

Татьяна МУРАВЬЕВА

ЖЕНЫ И ДЕВЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Неведомая Русь

Татьяна Муравьева

Жены и девы Древней Руси

«ВЕЧЕ»

2017

Муравьева Т. В.

Жены и девы Древней Руси / Т. В. Муравьева — «ВЕЧЕ»,
2017 — (Неведомая Русь)

ISBN 978-5-4484-7077-6

В русских сказках, былинах, старинных песнях часто встречается образ женщины «белой лебедушки» – прекрасной и мудрой, а если нужно – отважной и решительной. Этот собирательный образ имел под собой реальную основу. Среди женщин Древней Руси было немало выдающихся личностей. Многие из женщин Древней Руси были хорошо образованы, талантливы и проводили время не в праздности, а в полезных трудах. Так, знаменитая княгиня Ольга после смерти своего мужа, князя Игоря, самостоятельно управляла всей Русью, проявив незаурядный государственный ум и дальновидность. Кроме того, она первой из русских правителей решилась на такой важный шаг, как принятие христианства. А в Полоцкой земле, после того как полоцкий князь был захвачен в плен и отправлен в изгнание, правительницей стала его жена – княгиня Софья, а затем дочь – Евфросинья. Одна из внучек Ярослава Мудрого, Анна Всеволодовна, основала первую на Руси школу для девочек, где сама обучала их «писанию, ремеслам, пению, шитью и иным полезным им занятиям». О самых знаменитых и выдающихся женах и девах Древней Руси рассказывает очередная книга серии.

ISBN 978-5-4484-7077-6

© Муравьева Т. В., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Княгиня Ольга	6
Слезы Гориславы	22
Анна Греческая	29
Княжна Предслава	38
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Татьяна Владимировна Муравьева

Жены и девы Древней Руси

© Муравьева Т.В., 2017

© ООО «Издательство „Вече“», 2017

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2017

Княгиня Ольга

В 879 году в Новгороде умер старый князь Рюрик. Перед тем как свет навсегда померк в его глазах, призвал он к себе своего родича и воеводу Олега, которого народ за мудрость прозвал Вещим, и сказал:

– Дни мои сочтены. Теперь ты – старший в нашем роду и, когда меня не станет, будешь княжить в подвластных мне землях. Оставляю на твое попечение сына моего, Игоря. Поклянись, что, пока он мал, будешь ты ему защитником и наставником, а когда возрастет – верным другом и советчиком.

– Клянусь! – ответил Олег. – И если нарушу я эту клятву, пусть мой собственный меч иссечет меня на мелкие куски.

– Да будет так! – проговорил старый Рюрик, и дух его отлетел к праотцам.

Земля, доставшаяся Олегу от старого Рюрика, была велика и обильна. Простиралась она во все стороны на многие версты: на закат и на восход, на полдень и на полночь, и населяли ее разные племена: и ильменские славяне, называвшие себя словенами, и славяне-кривичи, и меря, и чудь, и весь. У каждого племени были свои города: у словен – Старая Ладога, у кривичей – Изборск, у веси – Белоозеро, у мери – Ростов. А главным городом этой земли был славный Новгород, где собиралось общее вече, где сидел на княжьем престоле старый Рюрик, а теперь сел Вещий Олег.

Через Новгород шел великий торговый путь «из варяг в греки». Из Варяжского моря по Неве-реке плыли караваны купеческих судов в Ладожское озеро, из Ладожского озера по реке Волхову попадали в озеро Ильмень, затем – в Ловать-реку; из Ловати волоком перетаскивали суда в широкий Днепр и по Днепру плыли до самого моря, а дальше по морю – в Греческую землю, в город Царьград. В Царьград из Русских земель везли купцы драгоценные меха и чистый воск, сладкий мед и тонкие льняные холсты, а из Царьграда на Русь привозили шелковые узорные ткани, золотую и серебряную посуду, вино и оливковое масло.

Рассказывали купцы, что вдоль их пути лежат обширные земли, населенные многими племенами, стоят города и села, что иные из этих земель управляются своими князьями, иные – платят дань соседям. И решил князь Олег покорить те неведомые земли, заставить все племена платить дань себе.

Созвал он свою храбрую дружину, снарядил корабли, взял малолетнего Игоря и пустился в путь. Стройною вереницею, будто птицы-утицы, поплыли Олеговы корабли по Волхову в Ильмень-озеро, затем по реке Ловати и, миновав волок, вошли в Днепр. Здесь заканчивалась Новгородская земля, начинались владения местных князей, не подвластных Олегу.

И сказал Олег своей дружине:

– Скоро эти земли будут нашими!

Удача сопутствовала ему. В земле славян-кривичей почти без боя взял он город Смоленск, в земле северян после недолгой осады захватил город Любеч и посадил там своих воевод.

От Любеча было рукой подать до Киева. Много слышал Вещий Олег об этом городе. Говорили, будто бы Киев по величине, красоте и богатству не уступает Великому Новгороду, но ни Олег, ни его дружина не верили, что такое может быть. И вот, на высоком берегу Днепра увидел Олег большой город с неприступными крепостными стенами и мощными башнями. Внизу у воды сидел с удочкой старый рыбак.

– Скажи, добрый человек, – окликнул его Олег, – что это за город и кто в нем правит?

Ответил рыбак:

– Зовется наш город Киев, а правят в нем два князя – Аскольд и Дир.

Грозно сдвинул брови Олег.

– Аскольд и Дир? Знавал я некогда этих воинов. Были они в дружине князя Рюрика, а затем отпросились у него воевать Царьград, обещали вернуться со славой и богатой добычей, да так и сгинули. Мы-то думали, их в живых уже нет, а они, оказывается, вон где!

– Будем, князь, брать город? – спросил главный Олегов воевода, храбрый, опытный Свенельд.

Задумался Олег, а потом сказал:

– Нет. Не хватит у нас сил, чтобы взять такую неприступную крепость. Захватим мы Киев не силой, а хитростью.

Велел Олег всему своему войску оставаться на кораблях, а сам с юным Игорем и малой дружиной подошел на одной ладье под самые киевские стены и отправил к Аскольду и Диру посланца: «Мы, варяжские купцы, везем много хороших товаров. Пусть придут киевские князья посмотреть – может, чего купят».

Аскольд и Дир поверили, что в Киев прибыл мирный купеческий караван, и вышли на берег без всякой охраны. Олег приказал своей малой дружине до поры до времени залечь на дно ладьи. Когда киевские князья подошли близко, он поднялся им навстречу и сказал:

– Вы не княжеского рода, а я – князь, и со мною Игорь, сын старого Рюрика. Мне, а не вам надлежит здесь княжить!

Он подал знак своим воинам – и те, выхватив мечи, вмиг зарубили Аскольда и Дира.

Олег со своею дружиной вступил в город. Воины Аскольда и Дира, потерявшие своих князей, одни – покинули Киев и отправились искать себе новых хозяев и новой судьбы, другие – присягнули на верность Олегу. Простой киевский люд сдался на милость победителя.

Киев оказался еще больше и краше, чем о нем рассказывали. На горе стоял княжий дворец и гридницы, где жили дружинники, рядом – огороженное высоким частоколом капище с богами, высеченными из камня и вырезанными из дерева, поодаль – небольшая христианская церковь во имя святого Ильи Пророка. Построена она была для живших в Киеве иноземцев, которые не поклонялись славянским богам, а верили в своего бога – Иисуса Христа и его святых. Внизу, под горой, жил простой ремесленный люд, а там, где в Днепр впадала река Почайна, была устроена удобная гавань, и возле нее раскинулся широкий торг.

И сказал Вещий Олег:

– Да будет отныне Киев матерью городов русских! Здесь устрою я свою новую столицу.

Утвердившись на киевском престоле, Олег начал расширять свои владения. Племена северян и радимичей уже много лет платили дань хазарским ханам. Олег, придя в их земли, сказал:

– Не платите хазарам, а платите лучше мне.

Северяне и радимичи, не видя особого различия между хазарскими ханами и киевским князем, не стали спорить, и их земли перешли под власть Олега.

Так же легко, как северян и радимичей, думал Олег покорить древлянское племя. Но древляне были горды и свободолюбивы. Обитали они в дремучих лесах; посреди глухой чащобы на берегах лесных рек, одна из которых звалась Уж, а другая – Тетерев, стояли их города Вручий, Городск и столица – Искоростень. Древляне встретили дружину Олега с оружием в руках, и немало воинов полегло в древлянских лесах, прежде чем смог Олег смирить отважное племя и наложить на него дань – более тяжелую, нежели на покорных радимичей и северян.

Меж тем Игорь рос и мужал. Исполняя клятву, данную старому Рюрику, Олег сам обучал его держаться в седле, владеть копьём и мечом. А когда тот достиг совершенного возраста, привел ему жену – девицу редкостной, величавой красоты. Звали ту девицу Ольгой.

Какого она была рода, где отыскал ее Олег и почему выбрал в жены молодому князю – никто не знал, но слухи ходили разные. Одни говорили, что Ольга – тайная дочь самого Олега, другие – что приходится она внучкой Гостомыслу – мудрому старейшине племени ильменских

словен, который призвал некогда Рюрика и его братьев княжить на Руси; родиной Ольги называли города Псков, или Изборск, или село Выбуты, неподалеку от Пскова.

Но тайно шептались и о том, что была княгиня совсем незнатного рода и так бедна, что в отчем доме приходилось ей зарабатывать себе на пропитание, перевозя за плату людей через реку на лодке. И вот однажды князь Игорь во время охоты оказался на берегу той реки и захотел переправиться на другой берег. Увидев, что перевозчица молода и хороша собой, он приступил к ней с бесстыдными речами, но она глянула на него строго и укоризненно сказала: «Не подобает тебе, князь, обижать меня, пользуясь моей беззащитностью. Подумай, ведь если ты запятнаешь себя дурным поступком, то не сможешь воспретить и подвластным тебе людям творить разные беззакония. Как будешь тогда управлять ты своею землей?»

Князь устыдился и более не сказал молодой перевозчице ни слова, а, сходя на берег, подарил ей кроме оговоренной платы драгоценный перстень со своей руки.

И когда пришло ему время жениться, он объявил Олегу, что не возьмет в жены никого, кроме запавшей ему в душу перевозчицы, добродетель и мудрость которой равнялись ее красоте.

Но, как бы то ни было, Ольга стала княгиней. По обычаю, дал ей вено, подарив городок Вышгород близ Киева, где у Ольги был собственный дворец и своя дружина.

Как подобает хорошей жене, она любила и уважала мужа, однако скоро поняла, что Игорь слаб духом, ленив и беспечен. Хотя он давно уже вошел в совершенные лета, но по-прежнему во всем полагался на Олега, предоставив ему и управление Русской землей, и добывание военной славы.

В 907 году Олег решил совершить поход на Царьград. Игорь не принял участия в походе, а остался в Киеве. Вместе с Ольгой вышел он на берег Днепра провожать уходящее войско. Развернув знамена, двинулось вдоль Днепра бесчисленное множество всадников, а по воде заскользили две тысячи судов под цветными парусами.

Дни шли за днями, и наконец войско Олега вернулось в Киев с победой и богатой добычей. В обозе везли золото и серебро без счета, цветные шелковые ткани, сушеные плоды, кувшины с виноградным вином и много других дорогих вещей. Щедро оделил Олег Ольгу и прислуживавших ей женщин и узорными тканями, и украшениями тонкой греческой работы, и сладкими заморскими плодами.

Во дворце накрыли длинные столы, победители сели праздновать победу. Игорь пировал вместе со всеми. Мед и вино лились рекой, на двор выкатили несколько бочек пива для простого народа.

Ольга сидела в своей светлице, до нее доносились радостные крики пирующих. Она кликнула свою сенную девушку и приказала:

– Попроси воеводу Свенельда прийти ко мне сюда.

Свенельд переступил порог светлицы и низко поклонился:

– Зачем позвала ты меня, княгиня?

– Я хочу знать все о вашем походе. Расскажи, как одержали вы победу над греками.

Свенельд расплылся в довольной улыбке.

– О, это была самая удивительная и необычная победа за всю мою жизнь. Мы подошли к Царьграду с моря. А надобно сказать тебе, княгиня, что этот славный город стоит на берегу бухты, которую греки называют Золотой Рог, поскольку она изогнута подобно рогу. Греки, завидев наши корабли, перегородили вход в бухту толстой цепью, протянутой между двумя каменными башнями, чтобы помешать нам высадиться под стенами города. Тогда господин наш Олег приказал причалить там, где это было возможно, вытянуть корабли на берег и поставить их на колеса. Вскоре поднялся ветер, надул паруса, и корабли наши покатались к Царьграду посуху, будто плыли по воде. Греки, увидав такое чудо, пришли в ужас и изумление и тут же выслали нам навстречу послов, которые сказали Олегу: «Не губи нашего города, мы дадим

тебе любую дань, какую только захочешь». И потребовал Олег по двенадцать серебряных гривен всем своим воинам, и обязал греков платить каждый год дань для всех русских городов: и для Киева, и для Чернигова, и для Полоцка, и для Ростова, и для других. И договорился наш князь с греческим императором, что отныне нашим послам и нашим купцам в Греции будут в течение шести месяцев предоставлять кров и давать на пропитание и хлеба, и мяса, и рыбы, и вина, и плодов столько, сколько нужно, и устраивать для них баню, когда они захотят, а когда отправятся они домой, дать им припасов в дорогу. И составили об этом договор, греки по своему обычаю целовали крест, а мы клялись своим оружием, Перуном и Велесом. А потом велел князь Олег прибить на ворота Царьграда свой щит, и мы пустились в обратный путь. Жаль, княгиня, что не было с нами твоего мужа!

Ольга нахмурилась и, поблагодарив Свенельда за рассказ, отпустила его пировать дальше.

Через пять лет после славного похода на Царьград Вещий Олег скончался – не погиб на поле брани, а умер от укуса ядовитой змеи.

Игорь начал княжить в Киеве. В положенное время отправился он собирать дань с покоренных Олегом племен. Радимичи и северяне тут же признали власть нового князя и заплатили ему дань беспрекословно, но древляне затворились в своем Искоростене и крикнули со стены, что платили дань Олегу, а Игорю платить не будут.

Чернее тучи вернулся Игорь в Киев.

– Что делать? – спросил он у своей дружины. – Как заставить древлян платить дань?

– Идти против них войной, как ходил прежний господин наш Олег! – ответил за всю дружину воевода Свенельд.

Вышло Игоревое войско из Киева, углубилось в древлянские леса. Древляне встретили их с оружием в руках. Древлянские воины были отважны, а древлянский князь Мал был опытным полководцем, и плохо пришлось бы Игорю, если бы не старый воевода Свенельд. Он разбил древлянское войско, и Игорь наложил на древлян новую дань – больше Олеговой. Древляне вынуждены были покориться.

* * *

Ольга была Игорю хорошей женой, но долгое время у них не было детей. И вот, наконец, родила она долгожданного сына. Имя ему дали – Святослав.

Княгиня Ольга и князь Святослав. Рис. Татьяны Муравьевой

Шло время. Игорь, продолжая то, что начал Олег, расширял свои владения. Он покорил отважных уличей, которые упорно защищали свою землю и сдали свой главный город Пересечен только после трехлетней осады. Так же упорно сопротивлялись и тиверцы, обитавшие вдоль побережья Черного моря от Нижнего Дуная до Днепра, но в конце концов тоже стали платить дань Игорю.

Но в 915 году из степи на Русскую землю вторглись воинственные печенеги. Были они одеты в одежды из кож, вооружены кривыми саблями, копьями и луками, сидели на низкорослых, но быстроногих конях, их широкие лица с раскосыми глазами выражали свирепость. Печенеги подошли к самому Киеву, однако было их не очень много, Игорь же выставил против них большое войско. Печенеги предпочли не вступать в бой, заключили с Игорем мир и ушли на Дунай, в болгарские земли.

Дважды ходил Игорь и на Царьград. Но в первый раз корабли его были сожжены «греческим огнем», который горел даже на воде, во второй же раз византийский император Роман не стал воевать, а откупился золотом.

Во главе Игорева войска всегда стоял воевода Свенельд. Как когда-то Игорь во всем полагался на Олега, так теперь рассчитывал он на Свенельда – на его храбрость, опытность, дальновидность и рассудительность. И когда Святослав подрос, Свенельд стал его дядькой – воспитателем и наставником. Вторым наставником был воин Асмуд.

В конце концов Игорь передал Свенельду даже такую княжескую обязанность, как полюдье – сбор дани. Каждую осень отправлялся Свенельд со своей дружиной в земли древлян, северян, радимичей, уличей и тиверцев, а Игорь сидел дома, подле жены и сына, и ждал, когда весной привезут ему собранную дань, а часть дани, по обычаю, оставалась воинам Свенельда.

И вот однажды дружина Игоря взбунтовалась.

– Посмотри, князь, – кричали они. – у Свенельдовых мужей и отроков дорогое оружие, изодеты они в цветные одежды, а мы ходим оборванцами. В нынешний год идем, князь, с нами за данью. И ты добудешь себе, и мы!

Игорь не хотел ссориться с дружиной.

– Ладно, – сказал он. – Завтра с утра и отправимся.

Осень была на исходе, поздний рассвет выдался пасмурным и ненастным. Ольга и маленький Святослав поднялись на сторожевую башню. Внизу под холодным ветром раскачивались голые деревья, князь Игорь ехал впереди своей дружины по раскисшей дороге. Зная, что жена и сын смотрят ему вслед, он обернулся, привстал на стременах и махнул рукой. Начался мелкий дождь, князь и дружина скрылись за мутной пеленой. Недоброе предчувствие кольнуло Ольгу в сердце.

Тревога не отпускала ее все время, что ждала она возвращения мужа. Наступила весна. И вот, наконец, светлым, солнечным днем на княжьем дворе послышался топот копыт и громкие голоса. Ольга сбежала с крыльца. Игоревы дружинники расседывали коней, слуги разгружали обоз, царил обычная для таких случаев суэта. Но самого князя не было.

– Где же мой господин? – спросила Ольга.

Один из дружинников подошел к Ольге, снял шапку и, низко поклонившись, сказал:

– Князь пожелал задержаться у древлян.

– Как? – вскричала Ольга. – Почему?

– Собрали мы хорошую дань, да господину нашему показалось мало. Сказал он нам: «Вы возвращайтесь домой, а я посибаю еще». Мы послушались, а господин наш с малой дружиной остался в древлянской земле.

Через несколько дней прискакал на княжий двор отрок из малой Игоревой дружины. Одежда его была окровавлена, лоб рассечен.

– Случилась беда, княгиня, – сказал он Ольге, – я принес тебе дурную весть.

Ольга побелела, как полотно.

– Говори! – приказала она отроку.

Отрок начал рассказывать:

– Стал наш господин требовать у древлян еще дани. Тогда позвали древляне князя своего, Мала. Тот вышел вместе со своей дружиной. Сказали древляне Малу: «Мы уже заплатили положенную дань, но он требует еще. Что нам делать?» Ответил князь Мал: «Если повадился волк таскать овец из стада, то перетаскает всех до единой, если его не убьют. Так и этот: если мы его не убьем, он не уймется, пока не заберет все, что у нас есть». Набросились древляне на нашу малую дружину и вмиг всех перебили. Я один, раненный, успел отползти за кусты и видел, как стащили нашего князя с коня, пригнули к земле два тонких деревца, привязали князя к вершинам, отпустили деревья, и нашего господина разорвало надвое.

Ольга дослушала горестный рассказ до конца, не проронив ни слова. О чем подобало думать хорошей жене, узнавшей о гибели мужа? Не о своем вдовстве, не о сиротстве сына, а о мести. И Ольга стала думать, как отомстить убийцам Игоря.

На другой день в киевскую гавань вошла большая ладья. Прибыли на ней двадцать древлян, посланных к Ольге князем Малом.

– Прости нас, княгиня, – сказали они, – мы убили твоего мужа, но он сам виноват. Как бы то ни было, ты теперь вдова, и князь наш Мал готов взять тебя в жены.

Гневно глянула Ольга на древлян, но, спохватившись, потупилась и смиренно ответила:

– По сердцу мне ваша речь. Мужа моего не воскресить, а про Мала вашего я слыхала, что он славный воин. Раз уж явились вы меня сватать, окажу я вам особый почет. Завтра поутру пришлю своих людей звать вас во дворец. Вы им скажите: не хотим мы ни идти пешими, ни ехать верхом. Несите нас в ладье!

Послы князя Мала ушли, довольные приемом, а Ольга позвала слуг и велела:

– Выкопайте на княжьем дворе яму – большую и глубокую.

Поутру явились слуги звать древлянских послов во дворец.

Те, как научила их Ольга, сказали:

– Не хотим мы ни идти пешими, ни ехать верхом. Несите нас в ладье!

Ответили слуги:

– Мы люди подневольные. Князь наш убит, а княгиня идет замуж за вашего князя. Вы теперь здесь господа.

Подняли слуги ладью на плечи и понесли. Вот и княжий двор. Ольга вышла на высокое крыльцо. Когда слуги поравнялись с ямой, Ольга, как было уговорено, взмахнула белым платком, и слуги сбросили ладью в яму. Спустилась Ольга с крыльца, наклонилась над ямой и спросила:

– Довольны ли вы оказанной честью?

Древляне со стоном ответили из ямы:

– Хуже такая погибель Игоревой смерти!

Усмехнулась княгиня и подала знак засыпать яму землей.

Но мало показалось Ольге одной мести.

Послала она своих людей к князю Малу с такими словами:

– Если и правда хочешь ты взять меня в жены, то пришли за мной самых лучших твоих бояр и воевод – с иными киевляне меня не отпустят.

И вот прибыли в Киев лучшие древлянские бояре и воеводы. Ольга приняла их ласково, приказала истопить для них баню – помыться с дороги, и, когда зашли они туда и начали мыться, велела запереть снаружи накрепко двери и поджечь банный сруб. Высоко взметнулся огонь, сгорели лучшие древлянские бояре и воеводы.

Но душа Ольги все еще не насытилась мезтью. Снова отравила она своих людей в Древлянскую землю, велев передать князю Малу:

– Я уже на пути к вам. Но прежде чем во второй раз выйти замуж, хочу я оплакать своего первого мужа. Наварите побольше меду, привезите к могиле Игоря, чтобы могла я справить по нему тризну.

С небольшою дружиной отправилась Ольга в Древлянскую землю. Древляне ее уже ждали, наварив в досталь меду.

– А где же знатные мужи, бояре и воеводы, что были посланы за тобой?

– Они едут следом, – ответила Ольга. И добавила, усмехнувшись зловеще: – Скоро вы с ними встретитесь.

Древляне отвели Ольгу туда, где похоронили они Игоря. Упала Ольга на свежую могилу и заголосила:

Укатилось с неба красное солнце,

Погас в небе ясный месяц!

На кого ты меня, свет мой, покинул?

А отголосив, приказала выкатить бочки хмельного меда и велела своим дружинникам наливать древлянам полные чары, а самим не пить. Вскоре захмелели древляне и один за другим уснули мертвецким сном. Тогда подала Ольга знак, и ее дружинники, выхватив мечи, вмиг зарубили всех древлян, залив кровью могилу Игоря. Вот такую тризну справила по мужу княгиня Ольга. Исполнила она свой долг хорошей жены – отомстила за мужа, да так, что о ее мести помнят и через тысячу лет.

Вернувшись в Киев, Ольга стала думать, как жить ей дальше. И думы ее были невеселые. Ведь теперь ей нужно было опасаться ответной мести князя Мала, потерявшего своих лучших людей. И Ольга решила не ждать, когда Мал со своим войском подойдет к Киеву, а нанести удар первой.

Призвала она воеводу Свенельда и сказала:

– Надобно идти воевать Древлянскую землю. Иначе древляне придут сюда, убьют и меня, и сына моего Святослава и станут хозяевами в нашей земле.

Свенельд поклонился:

– Жди, княгиня. Мы вернемся с победой или не вернемся вовсе.

– Нет, – ответила Ольга, – я не стану дожидаться дома. И я, и сын мой – он ведь теперь, когда не стало его отца, – князь наш и господин, – отправимся вместе с вами.

И вот войско выехало из киевских ворот. Шестилетний Святослав ехал впереди, между Свенельдом и дядькой своим Асмудом. Рядом верхом ехала Ольга.

На широком поле встали друг против друга войска княгини Ольги и князя Мала. Свенельд вложил копье в руку Святослава. Тяжело было копье для детской руки, однако Святослав, поднатужившись, метнул его между ушей своего коня. Копье упало на землю совсем близко, но Свенельд зычным голосом воскликнул:

– Князь уже начал битву! Потянем, дружина, за князем!

И воины ринулись в бой.

Битва была жестокой и кровопролитной, много полегло и киевских воинов, и древлянских, пал в той битве и сам князь Мал, а оставшиеся в живых древляне разбежались и затворились в своих городах.

Ольга взяла их штурмом, все, кроме столицы – города Искоростеня. Искоростень был велик и хорошо укреплен. Было в нем довольно запасов пищи и колодец с водой. Засевшие в городе древлянские воины успешно отбивали атаки киевлян.

Целое лето простояла Ольга под стенами Искоростеня, а взять его так и не смогла. Тогда решила она пойти на хитрость и объявила:

– Если вы сдадитесь, я не причиню вам никакого вреда, а возьму лишь легкую дань и уйду из вашей земли.

– Какой же дани ты хочешь? – спросили древляне.

– Знаю я, – сказала Ольга, – что вы целое лето сидите в осаде, поэтому нет у вас ни меда, ни мехов, так что дайте мне от каждого двора по три голубя да по три воробья – и будет мне этого довольно.

Удивились древляне, но дали Ольге ту дань, какую она захотела.

Ольга же раздала голубей и воробьев своим дружинникам, велела привязать к птичьим лапкам трут, поджечь его и пустить птиц на волю. Полетели птицы обратно в город – голуби на свои голубятни, воробьи под стрехи домов, и вмиг запылал Искоростень, словно огромный костер. Древляне устремились прочь из горящего города, но их уже поджидали воины Ольги. Иных они перебили, иных взяли в плен. Среди пленников были и двое детей князя Мала – сын Добрыня, ровесник Святослава, и годовалая дочь Малуша. Их Ольга взяла себе.

Покорив Древлянскую землю, Ольга не стала ее разорять, а вместе с сыном своим Святославом и войском объехала ее всю из конца в конец, установив, кто и сколько – не меньше, но и не больше – должен платить ей и Святославу дани и устроила погосты – места, куда свозить эту дань для пересчета и дальнейшей отправки в Киев. Затем объехала она из конца в конец Новгородскую и другие земли, которые были подвластны ее мужу, а теперь, пока не достигнет Святослав совершенных лет, принадлежали ей, и там тоже учредила оброки и погосты, и с той поры утвердился порядок по всей Русской земле, и не случалось больше такого беззакония, как при князе Игоре.

* * *

От покойного мужа, и от Вещего Олега, и от воевод, побывавших в Греческой земле, много слышала Ольга о городе Царьграде, краше которого нет на земле¹. Говорили, что правит в Царьграде император, который восседает на золотом троне в мантии из пурпурного шелка и

---

¹ Термин «Византия» начал употребляться лишь в XV веке, во времена Древней Руси использовали название «Греческая земля» или «Греческое царство». Столицу Греческой земли Константинополь на Руси называли Царьградом.

в драгоценном венце, украшенном самоцветами; что поклоняются греки новому богу – Иисусу Христу, милостивому и кроткому, который дал себя распять ради того, чтобы люди могли достичь иной, вечной жизни; что в честь Иисуса Христа построены в Царьграде каменные храмы, изукрашенные многоцветными росписями и сверкающими мозаиками, и живет в Царьграде патриарх – главный христианский священник.

В Русской же земле племена, ее населявшие, как и много веков назад, поклонялись многим богам: одни считали главным среди них Рода – прародителя всего живого на земле, другие – Дажьбога-Солнце, третьи – громовника Перуна, четвертые – Сварога – хозяина огня, земного и небесного. Женщины почитали Мокошь – богиню-пряжу, прядущую нить человеческой судьбы, ласковую Ладу – богиню супружества и материнства и ее дочь Лелю – светлую богиню весны. Почитали и побаивались лесных духов – леших и лешачих, обитающих в реках и озерах водяных и берегинь, домовых и кикимор, невидимо живущих в каждом доме.

Но были на Руси и христиане, в основном чужеземцы, жившие в Киеве, – греки и варяги, которые гордились своей верой и говорили, что она лучше, чем почитание древних богов.

И захотелось Ольге своими глазами увидеть Царьград, императора и от самого патриарха узнать, что такое христианская вера, и правда ли, что она лучше той, в которой она, Ольга, воспитана.

Снарядила Ольга в Греческую землю два посольства: одно от себя, второе – от сына своего Святослава, и свое посольство возглавила сама. На многих кораблях двинулись они по Днепру, а затем по морю до Царьграда. Ольга везла богатые дары императору и патриарху, сопровождала ее пышная свита из шестнадцати знатных женщин и восемнадцати прислужниц.

Княгиня Ольга беседует с Константином Багрянородным. Фрагмент миниатюры из летописи

Солнечным сентябрьским днем вошли Ольгины корабли в бухту Золотой Рог. Император был предупрежден, что едет к нему в гости русская княгиня, и выслал ей навстречу людей с приглашением во дворец. Человек, передавший приглашение, сообщил Ольге, что, согласно дворцовому церемониалу, приветствуя императора, все, даже самые знатные вельможи, должны простираться перед ним ниц, но ей, в знак особого к ней уважения, император разрешает ограничиться обычным поклоном.

Ольгу и ее свиту провели по великолепным залам, каждый величиной с городскую площадь, и наконец она предстала перед императором Константином Багрянородным.

Осанистый, чернобородый и темноглазый, восседал он на высоком золотом троне. С его плеч тяжелыми складками спускалась мантия из пурпурного шелка, на голове сверкал драгоценными камнями золотой венец.

Император предложил Ольге сесть на предназначенное ей сиденье подле трона, и они начали беседу. Император расспрашивал Ольгу, как прошло ее путешествие, и что хочет она посмотреть в их городе, Ольга отвечала, что путешествие было благополучным, а посмотреть она хочет все, что есть в Царьграде достопримечательного, а в особенности – храмы, посвященные Иисусу Христу.

На другой день император прислал к ней ученых людей, чтобы те сопровождали ее в прогулках по городу и показали бы ей, как писал потом сам Константин Багрянородный, «церковную красоту, и палаты золотые, и в них собранные богатства, золото и шелка и драгоценные камни, и Страсти Господни: венец и гвозди, которыми Иисус Христос был прибит ко кресту».

Главный царьградский храм – храм Святой Софии – Божьей премудрости – восхитил и поразил Ольгу, как не поражало ее ничто за всю ее жизнь. Своды, уходящие под самые небеса, многоцветные росписи, на которых христианский бог и его святые представляли, словно живые, свет тысячи свечей из самого лучшего, белого воска, пение, слаще которого и представить себе невозможно, – Ольга была ошеломлена и зачарована этой красотой. Она почувствовала, что в душе у нее загорается свет, подобный свету тысячи свечей, и сказала себе: «Я хочу быть христианкой».

Патриарх, узнав о ее желании, обрадовался и долго рассказывал ей об Иисусе Христе, а она слушала.

И вот был назначен день крещения. Накануне император пригласил Ольгу во дворец к обеду. Ольге объяснили, что сидеть за одним столом с императором – великая честь, которой до нее не был удостоен никто из иноземцев.

После обеда за отдельным позолоченным столом для императора и его семьи – сына с женой, дочерей и внучки – были поданы сласти на блюдах, украшенных жемчугом. Император усадил Ольгу рядом с собой и сказал ей:

– Ты прекраснейшая и мудрейшая из всех женщин на земле и достойна быть императрицей. Согласна ли ты разделить со мною трон?

Ольга пришла в смятение. Согласиться значило навсегда потерять независимость – и свою, и всей Русской земли, ибо, взяв ее в жены, император получил бы Русскую землю за ней в приданое, отказать же Константину Багрянородному означало рассориться с могущественной державой и навлечь на себя и на свою землю многие беды.

Но не зря назвал император Ольгу мудрейшей из женщин. Она опустила глаза и сказала:

– Я согласна, но есть у меня условие: ты должен присутствовать при моем крещении и стать моим крестным отцом.

На другой день был совершен обряд святого крещения, Ольга стала христианкой и была наречена христианским именем Елена. Обряд совершил патриарх, а воспринял новокрещеную от купели император.

Но когда Константин Багрянородный, преисполненный радости, напомнил Ольге о ее обещании стать его женой, она печально ответила:

– Увы, государь, это невозможно. Я узнала, что по христианскому закону крестный отец не может жениться на своей крестной дочери. Если бы мне было известно об этом вчера, я никогда бы не стала просить тебя воспринять меня от купели.

Император был раздосадован, но поделать ничего не мог.

Ольга стала собираться домой. На прощание император сделал ей и ее свите богатые подарки: самой Ольге двести золотых монет, сопровождавшим ее знатым женщинам – по двенадцать, прислужницам – по шесть. А патриарх, прощаясь с русской княгиней, торжественно

произнес: «Благословенна ты среди русских князей, ибо возлюбила свет, а тьму оставила. Благословят тебя сыны русские до последних родов внуков твоих».

И вот попутный ветер снова надувает паруса Ольгиных кораблей. Кроме свиты и дружины с Ольгой на Русь ехал грек-священник, которого патриарх определил ей в духовники.

* * *

Когда Ольга вернулась на Русь, ей захотелось навестить родные места – Псковскую землю, в которой жила она до замужества и не бывала уже много лет. И вот с малой дружиной и в сопровождении духовника, который теперь был при ней всегда, пустилась она в путь. После яркой, солнечной Греции с особой силой почувствовала Ольга суровую красоту Русского Севера – хвойных лесов, серых скал, широких, холодных рек. Вот и река Великая, на которой прошли Ольгино детство и ранняя юность.

День был ветреный, по небу быстро неслись рваные облака, шуршал, качаясь, прибрежный камыш. Ольга на коне выехала на каменный мыс и остановилась у самой воды. И вдруг увидела, как в небе над рекой загорелись три золотых луча, протянулись до самой земли и сошлись перед ней на каменном мысу.

Княгиня, изумленная и восхищенная этим чудесным видением, повернулась к духовнику и спросила:

– Отче, можешь ли ты объяснить, что это означает?

Духовник ответил:

– Не иначе Господь благословил это место, и здесь надлежит поставить храм Божий.

Тут же распорядилась Ольга, чтобы на каменном мысу заложили церковь во имя Живоначальной Троицы. Едва закончены были работы, рядом с ним из-под земли забил светлый ключ, который люди сразу прозвали Ольгиным.

После этого решила Ольга объехать всю Русскую землю, и везде, где случилось ей побывать, возводила она храмы и рассказывала людям об Иисусе Христе. Многие, узнав, что княгиня их теперь христианка, тоже принимали святое крещение, но никого Ольга не заставляла креститься силой.

Вернувшись в Киев, она приказала построить возле княжьего дворца деревянную церковь, посвятив ее, как в Царьграде, Софии – Божьей премудрости, и каждый день усердно там молилась.

Для того чтобы христианская вера распространилась и укрепилась на Руси, нужны были священники. Ольга могла бы попросить императора Константина Багрянородного прислать из Греции опытных священнослужителей, но она опасалась, что император все-таки затаил на нее обиду, и предпочла обратиться с просьбой к германскому королю Оттону I. Христианская церковь тогда еще не разделилась на Восточную и Западную, и германский король, желавший наладить связи с обширным и сильным Русским государством, охотно отправил в Киев епископа Адальберта, монаха из монастыря Святого Максимиана в городе Трире, и с ним нескольких священников, хотя сам Адальберт не хотел ехать в далекий неведомый край и воспринял свое назначение как наказание. Этот мрачный монах с выбритой на макушке тонзурой, не знавший ни слова по-русски и посматривающий на свою паству с неприязнью и опасением, не понравился киевлянам, и Адальберт вынужден был поспешно вернуться на родину, где заявил, что «русы – ожесточенный народ, свирепый видом и неукротимый сердцем – изгнали его из своих пределов, презрев благовествовавшего Евангелие мира». Вместе с ним покинули Русь и остальные немецкие священники.

* * *

Меж тем сын Ольги, князь Святослав, достиг совершенных лет. Был он не слишком высок ростом, но коренаст и широкоплеч, носил длинные усы, а голову брил наголо, оставляя лишь на темени длинный оселедец. Воспитанный воеводами Асмудом и Свенельдом, превыше всего в жизни ценил он воинскую отвагу и военную удачу. Уже первые его военные походы были победоносны: он разгромил могущественный Хазарский каганат, одолел волжских булгар, подчинил своей власти многочисленные племена славян-вятичей, обитавших в лесном краю, куда не решались вступить ни отец его, князь Игорь, ни сам Вещий Олег. В Киев Святослав возвращался лишь на недолгое время и уходил в новый военный поход, предоставив Ольге по-прежнему управлять Русской землей. В поход он никогда не брал с собой обоза, спал на голой земле, подложив под голову седло и укрывшись плащом, питался мясом, зажаренным на костре; чистое поле стало для Святослава истинным домом, а дружина – семьей. В дружинниках видел он братьев, одевался так же, как и они, и только золотая серьга с алым яхонтом и двумя жемчужинами, вдетая в левое ухо, напоминало о том, что он князь, а не простой воин.

Ольга попыталась рассказать Святославу о Христе и убедить его креститься, но он только отмахнулся:

– Если я сделаю это, дружина моя будет смеяться надо мной!

Ольге оставалось только молиться за сына.

По ее настоянию Святослав женился на угорской княжне, имя которой история не сохранила, и та родила двоих сыновей – Ярополка и Олега, но ни жена, ни дети не смогли удержать князя-воина дома.

Святослав был единственным сыном Ольги, однако у нее была еще воспитанница – Малуша, захваченная в плен в младенчестве, которую княгиня воспитала и любила как дочь. Когда Малуша подросла, Ольга сделала ее своей ключницей, вручив ей ключи от всех своих хранилищ и поручив ведать всем дворцовым хозяйством.

В один прекрасный день Ольга заметила, что стан Малуши округлился, и та, после недолгих расспросов призналась, что носит под сердцем ребенка Святослава. Ольга тут же отправила Малушу в село Будутину Весь, где в положенный срок родился третий сын Святослава, получивший имя Владимир.

Ольга взяла его во дворец и стала воспитывать вместе со старшими внуками.

А Святослав со своей дружиной в это время воевал в землях болгар. Захватив целых восемьдесят болгарских городов, он решил поселиться в завоеванной земле, а болгарский город Переяславец на берегу Дуная сделать своей новой столицей, вместо древнего Киева. Приняв такое решение, он объявил:

– Не люблю мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае. Здесь середина земли моей, сюда отовсюду стекаются богатства: из Греции – золото, шелка и вина, из Чехии и из Угрии – серебро и кони, из Руси – меха, воск и мед.

Над Киевом же в это время нависла грозная опасность – к его стенам подступили печенеги и взяли его в осаду. Было их великое множество, они окружили Киев со всех сторон, так что нельзя было ни выйти из города, ни войти в него.

Ольга приказала зажечь на башнях сигнальные огни, чтобы увидели их на заставах, и вскоре с застав прискакали к Киеву воины во главе с воеводой Претичем. Они встали на другом берегу Днепра, откуда хорошо был виден осажденный Киев, но не отваживались прорваться сквозь кольцо врагов. А в Киеве меж тем начался голод. Ольга велела раздавать пищу из княжеских припасов, но скоро и им пришел конец.

Тогда решили киевляне: надо дать знать воеводе Претичу, что силы их на исходе и если не придет он со своими воинами к ним на помощь, то неминуемо придется сдать Киев врагу.

Но кого послать с вестью? Кто сумеет выбраться из города и переправиться на другой берег Днепра?

И вдруг один отрок сказал:

– Я проберусь к воеводе!

Взял он конскую уздечку, спокойно вышел из города и пошел через печенежский лагерь, спрашивая у всех: «Не видали ли вы моего коня?» Отрок умел говорить по-печенежски, и печенеги принимали его за своего.

Так дошел он до берега Днепра, прыгнул в воду и поплыл. Тут печенеги поняли, что их провели. Начали они стрелять в отрока из луков, да, по счастью, ни одна стрела не попала в цель.

На другом берегу заметили отрока, вышли ему навстречу на ладье и отвезли к воеводе Претичу. Сказал отрок:

– Если завтра вы не придете на помощь городу, то его возьмут печенеги.

Задумался воевода Претич. Опасно идти с малыми силами против силы большой. Но если узнает князь Святослав, что оставили они на милость печенегов старую княгиню Ольгу и маленьких княжичей, то не сносить ему, воеводе, головы. И на другой день приказал он идти на приступ.

Ранним утром, еще до рассвета, двинулись русские воины на ладьях по Днепру, громко трубя. А люди, бывшие в Киеве, стали так же громко кричать. Услыхали печенеги трубные звуки и многоголосый крик, решили, что это пришел сам князь Святослав с несметным войском, испугались и отступили от города. Однако не ушли далеко, а встали на реке Лыбеди.

И сказала Ольга:

– Скоро они поймут, что невелики наши силы, и снова подступят к городу. Надо послать гонца к сыну моему, князю Святославу, пусть придет он сюда и прогонит неприятеля.

Киевляне ответили:

– Верно ты говоришь, княгиня. Если князь Святослав не явится к нам на выручку, ждет нас погибель. Посылай гонца, госпожа.

Ольга сказала:

– Пусть знает Святослав, что не я одна зову его на помощь, а весь Киев, вся Русская земля, про которую он совсем позабыл.

И написали киевляне князю Святославу такое письмо: «Ты, князь, чужой земли ищешь и блюдешь ее, от своей же отрекся. Едва не взяли нас печенеги вместе с твоей матерью и детьми. Если не придешь, не оборонишь нас, то опять возьмут. Неужели не жалко тебе ни отчины своей, ни матери-старухи, ни детей малых?»

Письмо вручили гонцу, и тот ночью, под покровом тьмы, тайно выехал из ворот и поскакал в Болгарскую землю.

Святослав, прочитав письмо, потемнел лицом. Немедля поднял он свою дружину и устремился в Киев. Отогнали воины Святослава печенегов далеко в степи, а Святослав предстал перед матерью.

Ольга вывела к нему троих его сыновей. Княжичи, отвыкшие от отца, дичились и не решались подойти к Святославу.

– Видишь, – упрекнула его Ольга, – ты так давно не был на родной земле, что сыновья твои забыли тебя.

– Ничего, – ответил Святослав. – Дружина моя торопит меня в новый поход. Завтра мы выступаем. Из добычи, которая достанется нам в этом походе, самое лучшее привезу я в подарок тебе и сыновьям.

– Как? – воскликнула Ольга. – Ты хочешь покинуть нас так скоро? Посмотри: я уже стара и жизнь моя близится к концу. Дождись моей кончины, а там – ступай куда хочешь.

И старая княгиня ушла в гнев.

Святослав устыдился и остался дома. Три месяца спустя княгиня Ольга умерла. «И плакали по ней, – записал летописец, – плачем великим сын ее и внуки и все люди».

Основным источником сведений о княгине Ольге является Повесть временных лет – летопись, составленная монахом Киево-Печерского монастыря Нестором на рубеже XI и XII веков, в которой биография прославленной правительницы предстает в виде стройного и увлекательного повествования: брак юной Ольги с Игорем, месть за убитого мужа, самостоятельное правление, поездка в Константинополь для принятия крещения, конфликт с сыном и праведная кончина.

Тем не менее целый ряд фактов вызывает у ученых-историков сомнения и споры.

Прежде всего до сих пор нерешенным остается вопрос о происхождении Ольги. В Повести временных лет кратко сообщается, что Олег «в лето 6411 (то есть в 903 году) /.../ приводеши ему /Игорю/ жену от Пскова, именем Ольга».

Псковский книжник XVI века инок Варлаам, автор Жития княгини Ольги, пытался найти сведения о ее семье, однако, по его собственным словам, «об имени же отца и матери писания нигде не нашел». Тем не менее он утверждал, что произошла княгиня «от языка варяжского». Хотя вопрос о том, кого на Руси называли варягами, также является спорным. Многие исследователи считают, что род Ольги пошел из Скандинавии и ее имя Ольга тождественно скандинавскому Хельга, однако есть немало сторонников и славянского происхождения княгини. Веским доводом в пользу последнего мнения является то, что своему единственному сыну Ольга дала чисто славянское имя – Святослав.

Романтическая история о том, что Ольга была простолюдинкой, пленившей князя своей мудростью и добродетелью, содержится в «Степенной книге царского родословия», составленной в середине XVI века протопопом московского Благовещенского собора Андреем, но она, скорее всего, является выдумкой – подобный сюжет часто встречается в фольклоре.

Внучкой Гостомысла Ольгу назвал историк XVIII века В.Н. Татищев, сославшись на Иоакимовскую летопись, которая впоследствии была утрачена. Но поскольку этой летописи никто, кроме Татищева, не видел, многие историки призывают относиться к сообщаемым им сведениям с осторожностью.

Большие разногласия вызывают и даты, относящиеся к основным событиям жизни Ольги. Повесть временных лет сообщает, что она вышла замуж за Игоря в 903 году. Исходя из этого можно предположить, что родилась она в конце 880-х годов. Но, согласно той же Повести временных лет, в 945 году, когда был убит князь Игорь, ее сын Святослав был малым ребенком – «бе детеск», стало быть, он родился около 940 года, то есть почти через сорок лет после вступления в замужество, что маловероятно, и если бы имело место в действительности, то несомненно было бы оговорено как событие из ряда вон выходящее. Так что какая-то из этих дат является ошибочной (ошибку мог допустить и сам Нестор, и позднейшие переписчики, поскольку Повесть временных лет до нас дошла только в списках). Сейчас различные историки называют даты рождения княгини Ольги в интервале от 890 до 925 годов.

Повесть временных лет была составлена через полтора века после смерти княгини, и к тому времени ее личность обросла легендами, поэтому некоторые исследователи считают легендарным рассказ о мести Ольги за убитого мужа. Однако автор монографии «Княгиня Ольга» А.П. Богданов достаточно убедительно доказывает, что эта месть была продуманным политическим актом: сознательно уничтожив древлянскую военно-административную верхушку – «мужей нарочитых», Ольга предотвратила войну, и спасла Киев от подчинения древлянскому князю (впрочем, это произошло бы и в случае ее согласия выйти за князя Мала

замуж), и получила возможность заняться обустройством своей земли. Установление Ольгой фиксированной дани и создание пунктов ее сбора стало принципиально новым шагом в процессе формирования государственности на Руси. А.П. Богданов утверждает, что результатом деятельности Ольги стало «установление мира и правовой системы», и далее делает решительный вывод: «Русь как государство была создана Ольгой».

Чрезвычайно важным событием в русской истории стало крещение Ольги. Хотя оно еще не повлекло за собой массовой христианизации Руси, но указало к ней путь. «Была она предвозвестницей христианской земле, как заря перед рассветом», – говорится об Ольге в Повести временных лет.

Согласно Нестору, крещение Ольги произошло в 955 году, однако, по другим данным, более вероятным является 957 год. Именно эта дата принята сейчас в официальной науке.

Кроме того, существует версия, что Ольга окрестилась на Руси и в Константинополь приехала уже христианкой с дипломатической миссией.

О том, как в Константинополе принимал Ольгу император Константин Багрянородный, рассказал он сам в трактате «О церемониях», причем отмечает, что «архонтиссе Россов» были оказаны исключительные почести: ей была дана привилегия не падать ниц перед императором, она сидела в его присутствии, была приглашена к столу вместе с императорской семьей.

Однако содержащийся в Повести временных лет рассказ о том, что Константин Багрянородный предложил Ольге стать его женой, но она ловко уклонилась от нежелательного предложения, явно легендарен. Во-первых, император был тогда женат, а во-вторых, он наверняка прекрасно знал, что крестный отец не может жениться на своей крестнице. Скорее всего, летописец Нестор пересказал народное предание, слышанное им в изустном изложении. В пользу такого предположения говорит употребленное им просторечное словечко «переключать» – «перехитрить». «И рече царь, – говорится в Повести временных лет, – „Переключала мя еси Ольга“». Но, как известно, всякое народное предание при помощи вымышленных фактов передает глубинные, реальные исторические процессы. При Ольге Русь обрела небывалую прежде мощь и силу, причем не путем завоевательных походов (единственной войной во время правления Ольги было взятие ею древлянского города Искоростеня), а путем внутреннего обустройства, при ней Русь вышла на международную арену, «королева ругов» с уважением упоминается в германской хронике. Брак с византийским императором означал бы подчинение Руси Византии, и, стало быть, суть легенды заключается в отстаивании Ольгой независимости Руси, что в полной мере соответствует исторической правде.

Ольгу начали почитать как святую вскоре после ее смерти. Внук Ольги, князь Владимир, перенес ее мощи в построенную им церковь Богородицы в Киеве. Согласно Житию, тело ее оставалось нетленно, и перед истинно верующим христианином в крышке ее гроба появлялось окошко, сквозь которое было видно лицо княгини Ольги, «светящееся яко солнце». Однако официально она была канонизирована в XIII веке, а в 1547 году причислена к лику равноапостольных.

Память о княгине Ольге глубоко вошла в народное сознание. На Псковщине, близ села Выбуты, где, по преданию, она родилась, река Великая расходится на два рукава, один из которых до сих пор носит название «Ольгины ворота», а другой – «Ольгины слуды» (слуд – подводный камень). Там же из скалы вытекает Ольгин ключ, водой из которого в юности

якобы умывалась Ольга, сейчас этот ключ считается целебным, помогающим от глазных болезней. Имеется также Ольгин колодец, а в лесу долгое время стоял Ольгин камень, на котором отпечатался след ее ноги, но в 1930-х годах, когда в Выбутове была снесена церковь, местные жители стали ходить молиться к Ольгиному камню, после чего власти его взорвали. Сейчас на месте, где он стоял, установлен памятный знак.

Показательно, что поверья, связанные с княгиней Ольгой, продолжают возникать и сейчас. В последнее время появилось поверье, что в ночь с 23 на 24 июля близ Ольгиного колодца можно увидеть ее невидимый в другое время дворец.

Слезы Гориславы *Рогнеда*

Великий князь Святослав Игоревич еще при жизни разделил Русь между тремя своими сыновьями. Старшему, Ярополку, назначил он Киев, среднему, Олегу, – Дrevлянскую землю, младшему, Владимиру, – Новгород.

Ярополк Святославич был еще очень молод и по молодости своей не обладал твердостью, необходимой для успешного правления. При нем от Киева начали отделяться присоединенные прежде земли: сначала отложились радимичи, затем – обширное и богатое Полоцкое княжество.

Главным воеводой у Ярополка Святославича был старый, убежденный сединами Свенельд. Однажды младший сын Свенельда по имени Лют охотился в лесу и, увлеченный погоней за зверем, не заметил, как пересек границу Дrevлянской земли и оказался во владениях князя Олега. А тот как раз охотился со своею дружиной. Разгневался князь Олег, увидев чужака в своем княжьем лесу, где было запрещено охотиться всем, кроме него, и приказал Люта убить.

Старый воевода Свенельд, узнав о гибели сына, впал в великую горестъ и поклялся отомстить убийце. Но был он уже не в тех летах, чтобы одолеть врага силой, и поэтому решил действовать хитростью.

Пришел он к Ярополку Святославичу и сказал:

– Княже, брат твой, Олег, владеет обширною землею. Если ты пойдешь войною против него и победишь, то земля эта станет твоею.

– Как же пойду я войною на брата? – воскликнул Ярополк Святославич. – Ведь эту землю отдал ему во владение наш отец!

Но коварный Свенельд стал убеждать молодого князя, что он, как старший, имеет право на всю Русскую землю. Ярополк уважал старого воина, служившего еще его отцу и деду, всегда слушался его советов, послушался и на сей раз.

Во главе своей дружины явился Ярополк Святославич на землю своего брата. Близ города Овруча произошло сражение. Ярополк одержал победу, Олег обратился в бегство. Воины Ярополка преследовали воинов Олега, которые хотели укрыться за стенами Овруча. Но на мосту, перекинутом через ров, случилось столпотворение, и многие Олеговы воины со своими конями попадали в ров, давя друг друга.

Ярополк Святославич победителем вступил в Овруч, сел на княжий престол и потребовал, чтобы к нему привели его побежденного брата. Однако Олега нигде не могли найти. Наконец один дружинник припомнил:

– Кажется, я видел, как князь упал с моста.

Ярополк тут же послал людей к мосту, и на дне рва, под телами других воинов и коней, нашли бездыханное тело Олега. Его подняли, отнесли во дворец и положили перед Ярополком.

Ярополк Святославич бросился на колени рядом с телом брата и залился слезами.

– Брат мой Олег, – восклицал он, рыдая, – я не хотел твоей смерти!

Свенельд подошел к плачущему князю и положил руку ему на плечо. Ярополк стремительно вскочил.

– Смотри! – с отчаянием и гневом крикнул он воеводе. – Исполнилось твое желание!

Старый Свенельд ничего не ответил и лишь усмехнулся про себя – сын его Лют был отомщен.

Отгоревав по погибшему брату, похоронив его и справив по нему тризну, Ярополк Святославич вернулся в Киев. Киевское княжество приросло Дrevлянской землей.

Вести о том, что киевский князь убил Олега и захватил его землю, дошли до младшего из братьев Святославичей – Владимира, сидевшего в Новгороде. Владимир устранился. Ярополк и Олег были сыновьями одной матери и с детства дружны между собой, Владимир же приходился им братом лишь по отцу и никогда не пользовался их приязнью. И раз уж Ярополк, чтобы увеличить свои владения, не погнушался убийством Олега, то чего ждать от него Владимиру?

Оставив новгородский стол, Владимир в страхе бежал за море, к норвежскому конунгу Хакону, на дочери которого он был женат.

Ярополк, узнав, что Новгород остался без князя, посадил там своего наместника. Так под руку Ярополка оказалась вся Русь, кроме Полоцкого княжества.

* * *

В Полоцке правил князь Рогволод. Были у него двое сыновей и одна дочь – прекрасная Рогнеда, и Ярополк Святославич задумал на ней жениться, хотя к тому времени у него уже была жена – гречанка Юлия, которую его отец захватил в плен во время одного из своих походов и привез в подарок старшему сыну. Юлия была беременна, но тогдашний закон позволял иметь нескольких жен, и Ярополк Святославич послал сватов к дочери полоцкого князя.

Меж тем Владимир, набрав за морем войско из наемников-варягов, пришел с ним в Новгород и прогнал оттуда наместников Ярополка, велел им:

– Ступайте в Киев к вашему князю и скажите ему, что иду я на него войной.

Но ближайший советник Владимира, его дядя по матери – воевода Добрыня, сказал:

– Не торопись, князь. Хорошо бы тебе, прежде чем начинать войну с Ярополком, заручиться помощью какого-нибудь сильного союзника.

– Какого союзника? – спросил Владимир.

– Да хоть полоцкого князя Рогволода. Полоцкое княжество не покорилося Киеву, и его князь охотно тебя поддержит. А чтобы союз ваш был совсем крепок – женись на его дочери Рогнеде.

Речи Добрыни показались Владимиру разумными, и он немедленно отправил в Полоцк сватов.

Прибыли сваты к полоцкому двору и едва не столкнулись там со сватами Ярополка, прибывшими накануне. Князь Рогволод оказался в затруднении: кому из женихов отдать дочь?

Тогда он позвал Рогнеду и сказал:

– Решай сама, княжна, за кого хочешь ты замуж: за Ярополка или за его брата Владимира?

Ответила Рогнеда:

– Не хочу за Владимира. Мать его была рабой, и негоже мне, княжне, снимать сапоги с робичича. Хочу за Ярополка.

– Пусть так и будет, – сказал Рогволод.

Сваты Ярополка отправились в Киев с радостным известием, что сватовство их князя увенчалось успехом, сваты же Владимира принесли своему князю отказ, передав ему надменные слова Рогнеды.

Владимир был оскорблен и раздосадован. Но еще более был оскорблен воевода Добрыня – ведь гордая княжна назвала рабой его родную сестру, указав ему на то, что и сам он – раб.

И Добрыня сказал Владимиру:

– Не подобает тебе, князь, снести такую обиду и поношение твоему роду. Иди на Полоцк, и пусть не будет пощады ни надменной княжне, ни ее родне.

Послушался Владимир своего дяди, вступил в Полоцкую землю как завоеватель, штурмом взял Полоцк, убил князя Рогволода, его жену и сыновей, а прекрасную Рогнеду захватил как добычу и насильно сделал своею женой, хоть она и умоляла лучше предать ее смерти.

Отправив Рогнеду в Новгород, Владимир двинулся на Киев. Кроме варягов присоединились к его войску новгородские полки, и славяне-кривичи, и чудь. Когда это огромное войско подошло к Киеву, Ярополк не решился сразиться с ним в чистом поле, а затворился в городе, готовясь выдержать осаду.

– Долгой будет осада, – сказал Владимир, – нелегко будет взять стольный град.

Но коварный воевода Добрыня возразил:

– В каждом городе непременно найдется предатель. Если сможем мы отыскать такого в Киеве, то не нужна будет осада, возьмем мы Киев безо всякого труда. Надобно заслать в город лазутчика.

Послушался Владимир совета Добрыни. Лазутчик, вернувшись, сказал:

– Один из воевод князя Ярополка по имени Блуд готов помочь тебе овладеть городом, если ты хорошо ему заплатишь.

Тут же отправил Владимир Блуду золота столько, сколько тот пожелал, и Блуд стал убеждать Ярополка, что в Киеве против него готовится заговор, что киевляне хотят открыть ворота Владимиру, а его, Ярополка, убить. И если хочет он спасти свою жизнь, то должен как можно скорее покинуть город.

Ярополк поверил изменнику, в ту же ночь тайно выехал из Киева и укрылся в небольшой крепости Родня на берегу реки Роси.

Владимир вошел в покинутый братом Киев и объявил себя великим князем Киевским. Никто не осмелился возразить, но Владимир опасался, что Ярополк, собравшись с силами, попытается вернуть себе престол, завещанный ему отцом, поэтому он двинулся к Родне и осадил ее. Владимир снова послал лазутчика к Блуду, которому велел сказать: «Помоги мне убить брата. Если это случится, ты будешь у меня в великой чести».

Серебряная монета – srebrnik – с изображением князя Владимира

И Блуд стал убеждать Ярополка, что Родня не выдержит осады и лучше не дожидаться, когда Владимир пойдет на приступ, а добровольно сдаться на его милость.

– Поезжай, князь, к брату, – говорил Блуд, – и скажи ему: я де от киевского стола отказываюсь, и если ты мне дашь какой-нибудь удел, тем и буду доволен.

– Ладно, – ответил Ярополк. – Завтра отправлюсь на встречу с братом.

Блуд тут же послал Владимиру письмо: «Твое желание исполнилось. Завтра я приведу к тебе Ярополка, чтобы ты мог его убить».

Ранним утром с малой дружиной въехал Ярополк на княжий двор. Но едва миновал он ворота, Блуд приказал опустить за его спиной решетку, отсекая его от дружины, и тут же двое варягов из Владимирова войска пронзили несчастного Ярополка мечами.

Теперь Владимиру Святославичу принадлежала вся Русь.

* * *

Рогнеда все это время томилась запертая в княжьем дворце в Новгороде. До нее доходили слухи о том, что происходило в Киеве, она ужасалась жестокости и вероломству своего супруга, но еще больше ужасалась тому, что презрение и жгучая ненависть к нему вдруг сменились в ее сердце столь же жгучей любовью. Со страхом и нетерпением ждала она встречи с Владимиром.

Головной убор знатной женщины. Рис. Татьяны Муравьевой

Наконец он приказал привезти ее к себе в Киев.

У Владимира уже была жена – дочь норвежского конунга. Погубив Ярополка, он взял себе второю женой его вдову – гречанку Юлию. Рогнеда была третьей. Кроме законных жен у Владимира было множество наложниц, но очень скоро из всех женщин, которые его окружали, стал он выделять Рогнеду, и наконец она почувствовала, что одна владеет сердцем князя.

Рогнеда забыла все злодеяния своего супруга и любила его всей душой. Она родила ему четверых сыновей – Изяслава, Ярослава, Всеволода и Мстислава и двух дочерей – Предславу и Премиславу.

Но прошло время, и Владимир начал отдаляться от нее. Все реже и реже навещал он ее терем, все чаще слышала Рогнеда, что проводит он время с другими женами и наложницами, она томилась и лила слезы, и даже дети не могли отвлечь ее от горестных мыслей. От горя начала вянуть ее красота, и вот однажды, когда Владимир не был у нее особенно долго, а придя, смотрел на нее мрачно и холодно, не сказал ни единого ласкового слова, она остро почувствовала, что пришел он к ней в последний раз.

Владимир спал, Рогнеда смотрела на него, спящего, и сердце ее разрывалось от боли.

И подумала Рогнеда: «Раз не нужна моему супругу моя любовь, незачем ему жить на свете!»

Колт – украшение женского головного убора/ Серебро, XII в.

Она потихоньку поднялась с постели, взяла нож с золотой рукояткой и нацелила его князю в самое сердце. Слезы туманили ее взор, и она медлила, не решаясь нанести роковой удар. Владимир спокойно дышал во сне, но вдруг по лицу его пробежала судорога, и он открыл глаза. Взгляд его встретился со взглядом Рогнеды, он коротко вскрикнул и перехватил ее руку. Нож со звоном упал на пол.

Владимир разжал пальцы, Рогнеда низко опустила голову и закрыла лицо руками. Владимир молча встал, оделся и пошел прочь из терема. На пороге он обернулся и сказал:

– Ты заслужила самое суровое наказание. Оденься в те одежды, которые были на тебе в день нашей свадьбы, и жди справедливой кары.

Князь ушел, шаги его замерли в отдалении, Рогнеда покачнулась и упала без чувств. Когда она пришла в себя, ночь была на исходе. Небо за окном начало светлеть, звонко чирикнула проснувшаяся первая птица. Рогнеду охватил смертельный страх. Она понимала, что означает приказ князя надеть свадебные одежды – по тогдашнему обычаю, женщин хоронили в той одежде, в которой они выходили замуж. «Скоро утро, – в смятении думала Рогнеда, – придет князь и убьет меня. А я не хочу умирать».

Но тут мелькнула у нее мысль, как может она спастись. Стараясь ступать неслышно, она пробралась в покой, где спали ее дети. Раскаяние охватило Рогнеду при виде совсем еще маленьких сыновей и дочек. «Я так любила своего супруга, – мысленно восклицала она, – что забывала о детях. Но теперь только мой старший сын, если будет угодно богам, может избавить меня от смерти!»

Она разбудила старшего сына Изяслава и, прижав его к себе, зашептала ему на ухо, что он должен сделать. Изяславу было всего восемь лет, но он понял, о чем просит его мать, и согласен кивнул.

Рогнеда вернулась в опочивальню. Как приказал ей Владимир, она нарядилась в шелка и парчу, надела на голову золотой венец, на шею – жемчужное ожерелье, на запястья – серебряные зарукавья, на каждый палец – по перстню с дорогим камнем, села на постель и стала ждать решения своей участи.

Наступило утро. Распахнулась дверь, и вошел Владимир. Чело его было мрачно, брови нахмурены.

– Готова ли ты к переходу в мир иной? – спросил он сурово.

Но тут, откуда ни возьмись, появился маленький княжич Изяслав. В руках у него был меч. Он протянул меч отцу и сказал:

– Возьми, батюшка, и соверши справедливый суд. Но негоже убивать мать на глазах у сына, поэтому убей прежде меня, чтобы не видел я горькой смерти матери моей!

Владимир отшатнулся и, резко повернувшись, вышел.

Рогнеда обняла Изяслава и заплакала.

* * *

Князь Владимир неожиданно проявил великодушие: в тот же день он объявил, что отпускает Рогнеду и отдает ей и ее старшему сыну в вечное владение землю ее отца – Полоцкое княжество, а поскольку древний Полоцк еще не оправился после разорения, то приказал построить для Рогнеды новый город, который повелел назвать Изяславлем, по имени старшего княжича, которому была она обязана жизнью.

Тут же со всей Полоцкой и со всей Новгородской земли были собраны искусные мастера. Застучали топоры – и город был построен так быстро, как только возможно.

Рогнеда стала собираться в путь. Владимир дал ей свиту и малую дружину на случай опасностей, которые могут подстергать ее в пути. И вот Рогнеда и Изяслав ступили на корабль. Остальных детей Владимир пожелал оставить при себе.

Ветер надул паруса. Рогнеда стояла на корме и смотрела, как скрывается вдали столичный Киев. И казалось ей, что князь Владимир смотрит ей вслед.

Путь был неблизкий. Сначала корабли Рогнеды плыли по широкому Днепру, затем по реке Березине, из Березины вышли в реку Свислочь. И вот наконец на высоком берегу Свислочи между двумя впадающими в нее безымянными речками показался только что построенный город Изяславль. Его еще не потемневшие бревенчатые стены пахли свежим деревом, тот же свежий дух стоял в новом Рогнедином тереме.

Рогнеда быстро обжилась на новом месте. Люди, прежде служившие ее отцу, князю Рогволоду, теперь охотно служили ей и ее сыну Изяславу, который, повзрослев, должен был стать новым князем Полоцким. И Рогнеде стало казаться, что здесь, в родных местах, среди людей, знавших ее с детства, она сможет забыть князя Владимира и обрести если не счастье, то хотя бы умиротворение.

Но Владимир еще раз напомнил ей о себе. Однажды в Изяславль явились посланные из Киева и сказали, что князь Владимир отошел от древней веры, принял святое крещение и готовится вступить в брак с христианкой знатного рода. А поскольку христианам по их закону положено иметь только одну жену, то отныне может Рогнеда считать себя свободной от брачных уз, и князь разрешает ей, если она захочет, выйти замуж за любого из его бояр.

Надменно ответила княжьим посланцам Рогнеда:

– Поблагодарите князя за заботу и передайте, что никогда не пойду я больше замуж, ибо невместно мне, бывши до сей поры княгиней, становиться боярыней.

Шли годы. Пока Изяслав был мал, Рогнеда разумно и рачительно правила Полоцкой землей, но грусть и тоска никогда не оставляли ее. Полочане любили Рогнеду, печалились о ее горестной судьбе и прозвали ее Гориславой.

Меж тем Изяслав достиг совершенных лет и женился, Рогнеда передала ему правление Полоцкой землей, а сама стала воспитывать внуков.

Со временем в Полоцке все больше людей становилось христианами. Рогнеда слышала от них рассказы об Иисусе Христе и о том, что вера в него дает утешение страждущим, утоляет сердечную печаль.

И она приняла святое крещение.

Когда Рогнеда почувствовала, что век ее подходит к концу, то основала близ Изяславля обитель во имя Святого Спаса и приняла там постриг под именем Анастасии.

Когда она умерла, ее оплакивала вся Полоцкая земля. А в окрестностях Изяславля вдруг забило сразу несколько светлых родников, которые до сих пор называют слезами Гориславы.

О трагической судьбе Рогнеды рассказывается в Повести временных лет и в Ипатьевской летописи. Однако содержащиеся там сведения достаточно кратки, поэтому впоследствии относительно личности и биографии Рогнеды возникли различные гипотезы.

Прежде всего, вызывает споры вопрос о происхождении ее отца – полоцкого князя Рогволода. В летописи говорится, что он прибыл «из-за моря», из чего был сделан вывод, что он был скандинавом. Однако ряд исследователей высказал предположение, что Рогволод был славянином. Действительно, его имя образовано по тому же принципу, что и бесспорно славянское имя Всеволод. Хотя относительно корня «Рог» тоже существуют разные мнения. Одни полагают, что рог, наряду с мечом, был одним из атрибутов власти и, таким образом, имя Рогволод означает «Обладающий властью», другие истолковывают слово «рог» как изогну-

тый мыс, поскольку Полоцк действительно располагается на мысу, образованном впадением реки Полоты в Западную Двину.

О многоженстве князя Владимира рассказывает Повесть временных лет, отмечая, что «водимых», то есть законных, жен у него было пять, но из всех из них по имени названа только Рогнеда, что говорит о ее особом положении, обусловленном ее знатным происхождением – будучи ровней князю Владимиру, она была главной, постоянной его женой и родила шестерых (по другим сведениям, пятерых) детей. Все прочие жены имели одного-двух детей.

Рогнеда родилась в начале 960-х годов, стала женой князя Владимира в 980-м, была сослана в Изяславль до 988-го, умерла в 1000 году.

Сын Рогнеды, Изяслав, положил начало династии полоцких князей – Изяславичей, которые впоследствии противостояли потомкам Ярослава Мудрого и отстаивали независимость Полоцкого княжества от власти киевских князей.

О том, что Рогнеда в конце жизни постриглась в монахини, сообщает поздняя Тверская летопись.

Город Рогнеды Изяславль сейчас находится на территории Белоруссии и носит название Заславль. В 1993 году там был установлен памятник Рогнеде и ее сыну Изяславу.

Анна Греческая

В 888 году князь Владимир, отринув всех своих прежних жен, вступил в супружество с греческой царевной Анной, дочерью императора Византии Романа II.

Мать Анны, императрица Феофано, родилась далеко от трона и была происхождения самого низкого: ее отец держал в Константинополе трактир, и в юности Феофано, носившая тогда менее звучное имя Анастасо, прислуживала зашедшим выпить посетителям и славилась на весь город как своей красотой, так и отсутствием целомудрия.

Роман, тогда еще не император, а наследник престола, однажды волею судьбы заглянул в тот трактир, увидел рыжеволосую красавицу и влюбился с такой страстью, что пожелал сделать дочь трактирщика своей женой.

Отец Романа, император Константин Багрянородный, долго противился этому браку, но царевич впал в великую тоску и начал чахнуть, так что отцу в конце концов пришлось скрепя сердце разрешить сыну жениться на Анастасо.

Ей было дано новое, царственное имя Феофано, что означает Божественная, и брак был заключен.

Два года спустя Константин Багрянородный скончался, Роман вступил на престол, и Феофано стала императрицей. Опасаясь чьего-либо, кроме своего, влияния на мужа, она потребовала, чтобы он заточил в монастырь трех своих сестер. Царевны были светскими, хорошо образованными девушками и вовсе не собирались похоронить себя в монастыре, но Роман не посмел перечить Феофано и, несмотря на мольбы и слезы сестер, принудил их принять постриг. Старая мать Романа, глубоко потрясенная разлукой с дочерьми, скоро умерла, и Феофано осталась единственной хозяйкой в императорском дворце.

За годы брака Феофано родила мужу четверых детей: двоих сыновей – Константина и Василия и двух дочерей – Елену и Анну.

Слабохарактерный, изнеженный Роман мало интересовался государственными делами, проводя время за чашей хорошего вина, в театре или на ипподроме. Праздность и излишества, наполнявшие жизнь молодого императора, подточили его здоровье, и он скончался, не дожив до двадцати пяти лет. Его младшая дочь Анна родилась 13 марта 983 года – за два дня до смерти своего отца.

Феофано осталась одна с четырьмя детьми, старшему из которых, Василию, шел шестой год. Он был провозглашен императором под именем Василия II, и Феофано стала при нем регентшей. Однако положение ее было сложным: ее не любил народ, не признавала знать, ненавидели влиятельные чиновники. Она была одна против всех и остро чувствовала, как нужна ей защита и опора.

В это трудное для нее время из Африки в Константинополь возвратилось с победой византийское войско, воевавшее там с арабами. Победители под приветственные крики толпы прошли по улицам города с таким триумфом, которого дотоле не видел много чего повидавший Константинополь. Впереди, на триумфальной колеснице, запряженной четверкой белых коней, ехал главнокомандующий – прославленный полководец Никифор Фока.

Никифор Фока был уже не молод и не хорош собой, вел суровый, аскетический образ жизни; овдовев много лет назад, хранил верность покойной супруге и не обращал внимания на женщин, отличался редкостным благочестием и намеревался, когда старость или болезни заставят его покинуть военное поприще, стать монахом. Но пока он был воином, и от него исходило ощущение твердости и силы. Феофано решила, что он должен стать ее мужем. Суровый воин был пленен красотой рыжеволосой императрицы, и, едва дождавшись окончания траура, Феофано вышла за него замуж.

Никифор Фока принял титул императора, поклявшись, однако, передать престол Василию II, когда тот достигнет совершенного возраста. Новый император полностью подпал под влияние жены. Он исполнял ее малейшие прихоти и капризы; будучи не в силах расстаться с ней хотя бы на один день, брал ее с собой в военные походы, но Феофано скоро наскучила такая преданная любовь.

У Никифора Фоки был племянник – Иоанн Цимисхий. Он был красив, изящен, остроумен и ничуть не походил на грубоватого Никифора Фоку. И Феофано, до той поры лишь позволявшая любить себя, увидев Иоанна Цимисхия, впервые в жизни полюбила сама.

Иоанн Цимисхий был честолюбив. Любовь императрицы открывала ему путь к власти, но прежде нужно было устранить Никифора Фоку. Подкупом и посулами Иоанн Цимисхий склонил на свою сторону нескольких вельмож и воинов, которые стали участниками заговора. В назначенный час Феофано сама впустила заговорщиков во дворец и спрятала их в своих покоях. Ночью они ворвались в опочивальню Никифора Фоки и убили его.

Иоанн Цимисхий провозгласил себя императором. Однако патриарх Полиевкт отказался впустить его в храм Святой Софии, где должна была происходить церемония венчания на царство, заявив, что убийца не может быть наследником убитого. Тогда Цимисхий заверил патриарха, что непричастен к убийству, обвинил во всем Феофано и в доказательство того, что ничем не связан с императрицей, отправил ее вместе с дочерьми в ссылку, а сам женился на одной из родственниц покойного императора Романа.

Анне, когда она вместе с матерью оказалась в ссылке, было не более трех лет.

Местом ссылки для императрицы был назначен остров Принкипос, всего в двух верстах от Константинополя. Несчастливая Феофано могла видеть вдали городские стены, купол храма Святой Софии, крышу императорского дворца, где жил со своей женой ее возлюбленный, и терзалась от ревности и бессильной злобы. Однажды она попыталась бежать с острова, но ее схватили и водворили обратно.

Так прошло семь лет. Но вот Иоанн Цимисхий скончался, причем ходили слухи, что умер он от яда, подсыпанного ему одним из его министров, и на престол вступил сын Феофано Василий II. Он немедленно вернул мать и сестер ко двору, но дух Феофано был сломлен, и дальнейшая ее жизнь была настолько тихой и незаметной, что даже не сохранилось сведений о том, когда она умерла.

Василий, которому едва минуло восемнадцать лет, оказался главой семьи и правителем государства. Чтобы чувствовать хоть какую-то поддержку, он назначил соправителем своего младшего брата Константина.

Свой долг как главы семьи юный император видел главным образом в заботе о сестрах. Анна и Елена получили самое лучшее воспитание и образование и вскоре стали считаться самыми завидными невестами во всей Европе. Многие государи были готовы породниться с византийским императором, однако Василий и Константин не спешили выдавать сестер замуж, выжидая особых обстоятельств, при которых замужество царевен принесло бы наибольшую выгоду Византии.

Царевна Анна унаследовала от матери ее красоту, ее прекрасные рыжие волосы, за что получила прозвание Руфа – Рыжая, но, по счастью, не унаследовала ее пороков. Анна отличалась добрым нравом, благочестием и скромностью.

Меж тем в стране было неспокойно. Вскоре после вступления Василия II на престол полководец Варда Скляр поднял мятеж, на подавление которого было направлено императорское войско во главе с полководцем Вардой Фокой, двоюродным братом покойного Иоанна Цимисхия. Варде Фоке удалось одержать победу и захватить в плен предводителя мятежа. Однако после этого он неожиданно провозгласил императором себя и, объединив свое войско с войском плененного им Варды Скляра, двинулся на Константинополь.

Положение императора было отчаянным, у него почти не оставалось верных ему воинов, и он обратился за помощью к русскому князю Владимиру Святославичу. «Они были его врагами, но он просил у них помощи», – писал арабский историк Яхья Антиохейский. Василий II напомнил князю Владимиру, что еще его дед, князь Игорь, заключил с византийцами договор о дружбе и взаимопомощи, и хотя за прошедшее с тех пор время этот договор неоднократно нарушался обеими сторонами, князь Владимир согласился прислать императору шесть тысяч воинов, но взамен потребовал отдать ему в жены царевну Анну.

Требование это смутило братьев-императоров. Еще их дед, император Константин Багрянородный, предостерегал своих потомков от браков с представителями «нечестивых северных племен» и писал в наставлении сыну, что если кто-нибудь из них «попросит о родстве через брак с василевсом ромеев, то есть либо дочь его получить в жены, либо выдать свою дочь за василевса, должно тебе отклонить эту неразумную просьбу».

Однако отклонить сватовство князя Владимира означало лишиться его помощи, потерять трон, а может быть, и жизнь. И все же императоры попытались отказать русскому князю, приведя веский довод – различие веры жениха и невесты делает их брак невозможным. На что Владимир ответил, что уже решил принять крещение и готов венчаться по христианскому обряду. После этого братьям-императорам пришлось дать согласие на брак своей сестры. Впрочем, в глубине души они надеялись, что сумеют каким-нибудь образом уклониться от исполнения своего обещания, и даже не сказали Анне о том, что она обещана русскому князю.

Вскоре в Константинополь прибыло шесть тысяч русских воинов, войско Варды Фоки было разгромлено, а князь Владимир начал готовиться к встрече невесты.

Владимир возжелал вступить в супружество с сестрой византийского императора не только потому, что был наслышан о красоте и добродетели царевны, в неменьшей мере им руководил политический расчет.

Эпоха древних, языческих богов подходила к концу. Князь Владимир, объединив под своей властью обширную, населенную многими племенами Русскую землю, задумался о принятии новой, единой для всех веры. Согласно летописному преданию, об этом стало известно во многих ближних и дальних странах, и представители разных религий – магометане, иудеи, христиане – явились ко двору князя Владимира, чтобы склонить его в свою веру. Каждый из них объявлял свою веру самой лучшей, а все остальные – не стоящими внимания. Князь оказался в затруднении. Он призвал старейших и мудрейших из своих бояр и спросил у них совета. Бояре ответили: «Ты и сам знаешь, князь, что каждый свое хвалит, а чужое бранит. Если хочешь в самом деле разузнать, какая вера лучше, пошли верных людей, чтобы они своими глазами увидели, кто и как служит своему богу, и рассказали о том тебе».

Князь Владимир послушался совета и отправил десять отважных и разумных людей в разные земли. Побывали посланные князя и у магометан, и у иудеев, и в столице христианского мира – Константинополе, и так поразила их красота византийских храмов, что, вернувшись на Русь, они сказали князю Владимиру: «Когда ввели нас в храм, где служат Богу своему греки-христиане, то показалось нам, что мы не на земле, а на небе, ибо нет на земле такой красоты, и мы не знаем, как рассказать о ней». И князь Владимир решил стать христианином.

Однако князь опасался, что, приняв крещение по византийскому обряду, он создаст видимость зависимости Руси от Византии. Тогда-то и посватался Владимир к царевне Анне, чтобы дать понять всему христианскому миру: русский князь – ровня византийским императорам.

Готовясь вступить в брак с греческой царевной, Владимир отослал всех своих жен и наложниц, разрешив им выходить замуж, если они того пожелают, приказал заново отделать княжий дворец и стал ждать приезда невесты.

Однако недели проходили за неделями, а царевны Анны все не было, и Владимир заподозрил, что Василий и Константин задумали его обмануть. Охваченный гневом, он решил пока-

зять спесивым византийцам, что с русским великим князем нельзя шутить. Собрал войско, он посадил его на ладьи и двинулся к греческому городу Херсону, который на Руси называли Корсунью.

Корсунь была надежной крепостью с высокими каменными стенами и тридцатью двумя мощными башнями. Владимир попытался взять Корсунь приступом, но корсунский гарнизон отбил атаку. Тогда он осадил город и предложил жителям сдаться, обьявив, что простоит под стенами Корсуни хоть три года, но своего добьется, однако корсуняне отказались. Владимир призадумался, а затем приказал своим воинам возвести под стенами крепости земляные насыпи, чтобы по ним перебраться через стены. Но осажденные, сделав подкоп со своей стороны, по ночам уносили подсыпанную землю в город, так что на его главной площади образовался большой холм.

В городе уже давно не хватало продовольствия, корсуняне голодали, но по-прежнему не сдавались. Владимир начал терять терпение. Однажды в стан осаждающих прилетела стрела, пущенная с городской стены. К стреле было привязан клочок пергамента, на котором было написано: «Перекрой воду. Она идет в город по трубам из колодцев, которые находятся к востоку от тебя». Владимир тут же распорядился отыскать эти колодцы и выкопать трубы. Оставшись без воды, корсуняне сдались.

Владимир вступил в город и послал византийским императорам письмо, в котором требовал немедленно отдать ему в жены царевну Анну, как было обещано, в противном же случае грозил захватить Константинополь, так же как захватил Корсунь.

Византийские правители поняли, что уклониться от данного обещания им не удастся, и сообщили Анне, что она должна стать женой русского князя.

Анна пришла в ужас. Ее бросало в дрожь при одной мысли о далекой северной стране, населенной племенами, поклоняющимися страшным языческим богам, и о свирепом мужеварваре, который имеет несколько сотен жен и наложниц.

Со слезами умоляла она братьев не отправлять ее к язычникам, но братья только вздыхали и разводили руками. Чтобы хоть немного утешить Анну, Василий сказал:

– Князь Владимир уже отстал от язычества. Он принял решение окреститься и окрестить весь свой народ. Ты сможешь помочь ему в этом. Подумай, может быть, именно тобою обратит Бог Русскую землю к истинной вере!

– А кроме того, – добавил Константин, – ты спасешь свою страну от страшной войны.

Анне нечего было возразить, и она покорилась, хотя и чувствовала, что братья приносят ее в жертву.

Царевну стали готовить в дорогу. Снарядили несколько кораблей, на одном должна была плыть сама Анна, на другом – ее свита, на третий погрузили шелковые ткани, сладкие вина и прочие вещи в подарок жениху. С Анной на Русь ехали христианские священники, которые везли с собой иконы и различную церковную утварь.

Наступил день прощания. Анна в последний раз обняла братьев, и ее корабли отчалили от византийского берега.

На море они попали в сильную бурю. За бортом вздымались темные волны, мачты скрипели под порывами ветра, и Анна подумала: «Не лучше ли мне сейчас сгинуть в морской пучине, нежели стать женой страшного русского князя?», но тут же напомнила себе, что на нее возложена миссия принести свет истинной веры своему будущему мужу и его народу. Она стала усердно молиться, и буря унялась, а вскоре корабли благополучно достигли Корсуни.

Князь Владимир, который представлялся Анне косматым чудовищем, одетым в звериные шкуры, поразил ее благообразием своего лица с небольшой аккуратной бородой, величавой осанкой и роскошными одеждами. Он сам помог ей сойти с корабля, усадил на богато убранную колесницу, и они торжественно въехали в город.

Царевна Анна прибывает на Русь. Миниатюра из летописи

В тот же день князь Владимир принял крещение, получив христианское имя Василий, и обвенчался с Анной. В честь своего нового небесного покровителя – святого Василия он приказал построить в Корсуни церковь, на вершине того самого холма, который насыпали корсуняне во время осады.

Князь с молодой женой стал собираться в свою столицу. Корсунь же он назначил Анне в качестве вена².

Накануне отъезда к нему пришел местный священник, грек Анастас, и сказал:

– Князь, возьми меня с собою в Киев.

Владимир удивился:

– Почему хочешь ты покинуть свой город?

– Потому что без моей помощи тебе вряд ли бы удалось взять Корсунь. Помнишь стрелу, к которой было привязано письмо про колодцы? Это я ее пустил. Но если корсуняне об этом узнают, меня прогонят из города. В Киеве же я могу быть тебе полезен, ведь теперь, когда ты стал христианином и собираешься крестить свой народ, тебе понадобятся священники.

Владимир помрачнел.

– Ты предал свой город, – сказал он. – А предавший однажды предаст и в другой раз!

Но тут в разговор вмешалась Анна.

– Государь, – промолвила она мягко. – Ты рассуждаешь как язычник. Ведь поступок отца Анастаса привел к тому, что его родной город стал местом твоего крещения. А это ли не заслуга для христианина?

Владимир проворчал что-то невнятное, но спорить с молодой женой не стал, и поп Анастас отправился с ними в Киев.

Вернувшись в стольный град, Владимир сразу же приказал уничтожить все языческие капища. Со страхом и горестью смотрели киевляне, как под топорами княжьих дружинников падают на землю древние деревянные боги, как горят их обломки на высоких кострах. Дубового Перуна с серебряной головой и золотыми усами Владимир повелел привязать к конскому хвосту, стащить с горы, на которой он стоял, и бросить в Днепр. Киевляне бежали вдоль реки за уносимым днепровскими волнами древнем богом и кричали со слезами:

– Выплывай, Перуне, выплывай!

---

² Вено – в Древней Руси имущество, которое муж после свадьбы закреплял за женой. Оно являлось полной ее собственностью и впоследствии переходило по наследству к ее детям. В великокняжеской семье в качестве вена выступали земельные владения, доход с которых поступал в распоряжение княгини.

Но едва Перуна начинало прибывать к берегу, княжьи дружинники отталкивали его длинными шестами обратно на середину, и в конце концов он скрылся в водовороте, что кружил у Днепровских порогов.

А затем по городу прошли глашатаи, громко оповещавшие о том, что на завтра с утра все жители Киева от мала до велика, мужчины и женщины, старцы и младенцы, должны явиться на берег, туда, где в Днепр впадает река Почайна, чтобы принять святое крещение. А если кто ослушается, будь то богатый человек или бедный, боярин или смерд, станет он великому князю врагом, и как с врагом князь с ним поступит.

Наступило утро. На днепровском берегу собралось бесчисленное множество народа. Пришел князь Владимир об руку с княгиней Анной. Следом шли священники, прибывшие из Константинополя, и корсунский поп Анастас с крестами и иконами в руках. В стороне стояли киевские христиане, лица их светились радостью. Остальной же народ смотрел настороженно, с тревогой ожидая того, что должно случиться.

Князь и княгиня сели в приготовленные для них золоченые кресла, поставленные на пестрый ковер, и священники начали объяснять народу, что для совершения обряда всем надо войти в воду. Киевляне в полном недоумении полезли в реку. Кто-то зашел по колени, кто-то по грудь, кто-то по самую шею. Женщины держали на руках маленьких детей.

Крест и лунница

Один из священников осенил крестным знаменем днепровские воды, остальные начали громко читать положенные молитвы. Обряд был совершен. Люди выбрались из реки, священники раздали им нательные крестики на кожаных шнурках, и все разошлись по домам.

На следующий день Владимир разослал своих воевод по всем русским городам, приказав крестить народ в местных реках.

До Анны доходили слухи, что далеко не везде крещение происходило мирно, что главный воевода Добрыня крестил Новгород не с помощью слова Божьего, а огнем и мечом. Да и среди киевлян было много таких, что окрестились, но вовсе не стали христианами по духу. Анна усердно разъясняла суть христианского вероучения, ее слушали, с ней соглашались, но нательные кресты многие носили как украшения, нанизывая их на нитку, перемежая цветными бусинами, а однажды ей встретилась женщина, на шее у которой поверх холщовой вышитой рубахи на цепочке узорного плетения рядом с крестом висел серебряный полумесяц.

- Ты христианка? – спросила ее княгиня.
- Да, госпожа, – почтительно ответила женщина.
- А это что? – княгиня ткнула пальцем в полумесяц.
- Это – лунница.
- Зачем ты ее носишь, да еще рядом с крестом?

– Как зачем? – удивилась женщина. – Луна – бабья защитница. И матушка моя, и бабушка лунницы носили, чтобы зло отогнать, а добро приманить. А кресту она не помеха³.

И Анна не могла понять, удастся ее миссия или нет.

Радовал ее только князь Владимир, который со всею страстностью своей природы предался новой вере. На месте Перунова капища он приказал построить церковь во имя своего небесного покровителя святого Василия, с усердием неопита посетил все службы, вытвердил наизусть множество молитв, с неслыханной щедростью раздавал милостыню, запретил казнить смертью даже самых опасных преступников, и священникам стоило большого труда убедить его, что наказание виновных – не грех, а обязанность князя, если он не хочет, чтобы страна его погрязла в грабежах и разбоях.

К жене-христианке Владимир относился с уважением, и Анна уже не жалела, что ее судьба сложилась именно таким образом.

* * *

В Киеве было всего две христианские церкви – старинная Ильинская, построенная еще до того, как Киев стал стольным градом, и новая – Святого Василия. Они могли вместить в себя лишь малое число киевлян, и князь Владимир задумал построить большой, просторный храм, который привлечет бы всех жителей города и способствовал укреплению веры.

Когда он показал Анне место, где должен был встать новый храм, Анна с удивлением обратила внимание на обугленные бревна, оставшиеся от какого-то давно сгоревшего жилища.

Княгиня спросила мужа:

– Государь, что это за пепелище и почему ты решил ставить новый храм на его месте?

Владимир заметно смутился и сделал вид, что не расслышал вопроса.

Анну начало мучить любопытство, и вечером, отходя ко сну, она заговорила о таинственном пепелище со своей любимой служанкой-гречанкой.

– Ах, госпожа, – воскликнула та, – на этом месте было совершено великое злодеяние, но тебе лучше не знать о нем, поскольку совершил его твой супруг.

Однако Анна настаивала, и в конце концов служанка поведала своей госпоже историю, известную всем киевлянам.

– Лет шесть тому назад, – начала служанка, – когда супруг твой был еще нечестивым язычником, на этом месте стоял дом, в котором жил человек по имени Иоанн. Он принадлежал к варяжскому роду, в юности побывал в Греции и принял там святое крещение. У Иоанна был единственный сын Федор, так же, как и отец, исповедовавший христианскую веру. В тот год твой супруг ходил войной на племя ятвягов, победил их и, вернувшись в Киев, захотел, как это принято у язычников, возблагодарить своих богов за победу, принеся им человеческую жертву. Бросили жребий, и он указал на юного Федора. За отроком послали стражу, князь ждал его возле идола Перуна, чтобы совершить страшный обряд. Но Иоанн отказался выдать княжеской страже сына. «Ради чего хотите вы убить моего Федора? – воскликнул он. – Ради того, чтобы угодить вашим богам? Но ведь истинный Бог один, он сотворил и небо, и землю, и все сущее на земле, ваши же боги ничего не сделали, а сами сотворены из дерева руками человеческими. Дерево же – вещь непрочная сегодня есть, а завтра сгниет». Язычники, услышав такое поношение своим богам, рассвирепели и стали рубить топорами столбы, на которых стоял дом Иоанна. Дом рухнул, отец и сын погибли под его обломками. Язычники подожгли руины и пошли доложить князю о происшедшем. И князь сказал, что поступили они правильно.

Служанка закончила свой рассказ, потрясенная Анна молчала. Но потом сказала:

---

³ Цепочка с крестом и лунницей представлена в экспозиции Государственного исторического музея в Москве.

– Это случилось, когда мой супруг был другим человеком. Теперь же он хочет поставить на этом месте храм во искупление своего страшного греха.

И вот площадка была расчищена, началось строительство. Князь Владимир хотел, чтобы новый храм размерами и роскошью убранства не уступал величественным византийским храмам. И тут ему пришлось обратиться за помощью к жене. Анна немедленно написала в Константинополь, чтобы оттуда прислали лучших мастеров – и строителей, и резчиков по камню, и живописцев, и ювелиров – и сама объяснила им, каким должен быть новый храм. Строили его по византийскому обычаю из плинфы – плоских кирпичей, чередуя их ряды со слоями раствора, так что стены оказались покрытыми узором из серых и розовых полос. Для внутренней отделки, также по совету Анны, были привезены мрамор и яшма, пол выложили разноцветными поливными плитами, стены украсили фресками и сверкающими мозаиками. В храме поставили иконы, привезенные Анной из Константинополя, поместили драгоценную церковную утварь и освятили его во имя Успения Пресвятой Богородицы.

Князь Владимир, впервые вступив под своды нового храма, произнес такую молитву, записанную летописцем: «Господи Боже! Воззри с небес на церковь Твою, которую построил недостойный раб Твой, во имя родившей Тебя матери, Приснодевы Богородицы. Аще кто помолится в церкви сей, то услышь молитву его и отпусти грехи его, ради Пречистой Богородицы».

На содержание церкви князь положил десятую часть всех своих доходов, отчего церковь стали называть Десятинной, а служить в ней назначил корсунского попа Анастаса⁴.

Десятинная церковь. Рис. по реконструкции М.Н. Холостенко

Для Десятинной церкви был составлен Церковный Устав – свод моральных и правовых норм, нарушение которых подлежало церковному суду. В разработке Устава активное участие принимала Анна, на что указал сам Владимир, написав в конце: «Се яз, князь Владимир, поразмыслил с княгиней Анною и со своими детьми... и дал те суды церквам всем, епископиям Русской земли...»

Упомянутые дети – сыновья князя Владимира от прежних жен. Анна же за двадцать два года брака своих детей так и не родила.

О ее дальнейшей жизни не известно ничего. Умерла Анна в 1011 году, сорока восьми лет от роду, князь Владимир похоронил ее в Десятинной церкви, в мраморном саркофаге. Сам он пережил ее на четыре года, и, хотя успел за это время жениться еще раз, после смерти пожелал тоже лежать в Десятинной церкви, рядом с Анной.

⁴ О дальнейшей судьбе попа Анастаса будет рассказано в очерке о дочери князя Владимира Предславе.

Рассказ о женитьбе князя Владимира на дочери византийского императора Романа II Анне содержится в Повести временных лет, причем, если верить летописцу, именно желание взять в жены греческую царевну стало основным побудительным мотивом принятия им христианства. Однако большинство исследователей считает такую трактовку событий легендарной и полагает, что Владимир принял крещение прежде, чем посватался к Анне, а союз с ней был ему нужен из чисто политических соображений. Тем не менее влияние Анны на формирование нового, христианского мировоззрения князя и на привнесение в русскую культуру христианских мотивов несомненно.

Современный историк Л.Е. Морозова в своей книге «Великие и неизвестные женщины Древней Руси» утверждает, что именно Анне принадлежит главная роль в строительстве Десятинной церкви в Киеве. Церковь строилась с конца 880-х до 896 года. Это было время активной борьбы с печенегами, и князь Владимир чаще находился в походах, нежели в Киеве. Так что вполне логично предположить, что за строительством наблюдала Анна, тем более что церковь строилась византийскими мастерами в византийском стиле, а в Киеве никто, кроме княгини, не был достаточно хорошо знаком с византийской архитектурой.

Скорее всего, именно Анне принадлежит выбор строительных и отделочных материалов – плинфы, яшмы и мрамора, и благодаря ей русские мастера смогли познакомиться с такими художественными техниками, как фреска и мозаика.

Десятинная церковь до наших дней не сохранилась, она была разрушена в 1240 году во время штурма Киева Батыем. Тогда же были утрачены гробницы Анны и Владимира.

Иногда в литературе можно встретить утверждение, что первые русские святые Борис и Глеб были сыновьями Анны. Однако это утверждение явно ошибочно, поскольку, согласно Повести временных лет, ко времени женитьбы Владимира на Анне они были уже взрослыми и получили от отца уделы: Борис – Ростов, Глеб – Муром. Их матерью летопись называет некую «болгарыню». О детях Владимира от Анны в летописях нет никаких сведений, хотя, возможно, она рожала дочерей, упомянуть которых летописец не счел нужным.

Княжна Предслава

У князя Владимира от разных жен было двенадцать сыновей, а сколько дочерей – никто и не считал. Предслава была дочерью полоцкой княжны Рогнеды. Она родилась второй после своего старшего брата Изяслава, за ней последовали трое братьев-погодков – Ярослав, Мстислав и Всеволод.

Ярослав был слаб здоровьем, от рождения у него было повреждено колено, и он заметно хромал. Предслава любила его больше других своих братьев и, хотя Ярослав был моложе ее всего на один год, усердно его опекала, в полной мере ощущая себя старшей сестрой.

Детство Предславы и ее братьев прошло под Киевом, в княжьем селе, которое князь Владимир подарил Рогнеде, на берегу реки Лыбеди. Предславе было не больше четырех лет, когда Рогнеда со старшим сыном Изяславом по приказу мужа была отправлена в изгнание, и младшим детям пришлось расти без матери, под надзором бесчисленных мамок и нянек.

Мальчики, по обычаю того времени, могли находиться на попечении женщин лишь первые пять лет жизни, поэтому скоро братья Предславы один за другим покинули материнское село и были переведены в стольный град Киев к отцу, князю Владимиру, который приставил к ним дядек-воспитателей из своих воевод, и те начали обучать княжичей военному делу.

Ожерелье. Серебро, XII в.

Предслава, оставшись в одиночестве, скучала по братьям, особенно по Ярославу, и тревожилась, как-то будет он обходиться без нее и не станут ли его обижать бойкие и здоровые сверстники. Но Ярослав, несмотря на слабое здоровье и хромоту, с успехом постигал воинскую науку и выучился скакать верхом, владеть копьем и мечом ничуть не хуже братьев.

Предслава росла на свободе, в стороне от великокняжьего двора. Князь Владимир обеспечил ее лучшими учителями, которые выучили ее чтению, письму и разным наукам. Когда Предслава подросла, по всей округе разнеслась молва о том, как хороша собой, добра, умна и образованна юная княжна. Простые люди стали приходить к ней за советом и помощью, и она никогда никому не отказывала. Село, где она жила, в народе получило название Предславино село.

С каждым годом Предслава становилась все краше и краше. Старая нянька, расчесывая ее шелковистые волосы, заплетая длинную косу и вплетая в нее шитый жемчугом накосник, приговаривала:

– Быть тебе, Предславушка, королевой, выйдешь ты замуж за короля!

И княжна представляла себе своего будущего жениха – статного черноусого молодца в золотой короне.

* * *

Хотя село Предславино и находилось за пределами стольного града, но было к нему достаточно близко, так что Предслава знала обо всем, что происходит при княжьем дворе, в семье ее отца.

Среди сыновей князя Владимира старшим был Святополк – сводный брат Предславы, рожденный гречанкой Юлией, которая поначалу была женой старшего брата Владимира – Ярополка. Но во время жестокой усобицы между братьями Ярополк был убит, а его вдову Владимир взял себе. Вскоре оказалось, что она беременна. Родившегося у Юлии сына Святополка Владимир признал своим, однако многие считали, что его отцом был все-таки Ярополк.

Князь Владимир выделил Святополку в удел Туровское княжество на западе Руси. Через Туровскую землю издавна проходил путь в Польское королевство. Между Русью и Польшей на протяжении многих лет шла борьба за пограничную территорию с городами Червенем, Перемышлем, Волынью и другими, которые обычно называли Червенскими городами. Владимир в самом начале своего княжения отвоевал их у польского короля Мешко I, но по прошествии тридцати с лишним лет сын Мешко, Болеслав II, попытался вернуть их. Попытка эта не увенчалась успехом, после чего Владимир и Болеслав заключили мир, а чтобы этот мир был более крепким, договорились о брачном союзе между своими детьми – сын Владимира Святополк взял в жены дочь короля Болеслава.

Невеста прибыла на Русь в сопровождении пышной свиты из знатных поляков. Сама же она оказалась настолько тихой и незаметной, что никто даже не запомнил ее имени: принцессу называли по отцу – Болеславной и судачили о ее отце гораздо больше, нежели о ней самой.

А о короле Болеславе было что порассказать.

На родине его называли Болеславом Храбрым или Великим. Еще ребенком был он отправлен в Германию, ко двору императора Оттона I, в качестве почетного заложника и прожил там пять лет. Грубые нравы и распушенность, царившие при немецком дворе, сильно повлияли на характер и склонности будущего короля. После смерти отца Болеслав вернулся в Польшу и занял польский престол, изгнав из страны свою мачеху и младших братьев, хотя отец поручил их его попечению. Он оказался искусным правителем – умным и хитрым – и даровитым полководцем. Захватив земли поморских славян, пруссов и ятвягов, Болеслав расширил границы Польского королевства до самого Балтийского моря, затем завоевал Чехию, Моравию и часть Словакии до берегов Дуная, так что даже недруги, которых у него было немало, признавали, что прозвание Храбрый он получил не зря.

Первый раз Болеслав женился в семнадцать лет на дочери мейсенского маркграфа Рикдага – Хенильде. Брак этот был заключен по расчету: Болеслав хотел заручиться поддержкой влиятельного тестя в борьбе с германским императором. Но Рикдаг неожиданно умер, Хенильда стала не нужна Болеславу, он развелся с ней и отправил ее на родину.

Второй женой Болеслава стала Юдита, дочь венгерского короля. Как и в первый раз, Болеслав женился ради того, чтобы породниться с отцом невесты. Но этот брак оказался таким же недолгим, как предыдущий, и закончился точно так же – венгерский король скончался, и Болеслав отправил на родину свою вторую жену.

После чего женился в третий раз – на Эмнильде, дочери лужицкого маркграфа Добромира. Эмнильда, в отличие от своих предшественниц, сумела привязать к себе мужа и, несмотря на то что ее отец тоже довольно скоро умер, прожила с Болеславом тридцать лет, родив шестерых детей. Болеслав не был ей верным мужем, имел многочисленных любовниц, но, когда Эмнильда умерла, искренне ее оплакивал.

Предславе пришлось не раз и из разных уст выслушать историю своего нового родственника. Она ахала, удивлялась и ужасалась, еще не зная, что польский король снова надумал жениться и что теперь его избранницей стала она.

Болеслав был уже далеко не молод и изрядно потрепан жизнью, в последние годы растолстел настолько, что с трудом садился на коня, но душа его, как и в юные годы, была полна страстей, и красота Предславы поразила его, будто удар молнии. Король лишился сна и покоя и недолго думая заслал сватов к ее отцу.

– Ни за что! – ответила Предслава, когда князь Владимир сообщил ей о сватовстве польского короля.

Князь Владимир не стал неволить дочь, и король Болеслав получил отказ, жестоко оскорбивший его гордость и глубоко уязвивший чувства.

* * *

Святополк и Болеславна после свадьбы отбыли в принадлежавший Святополку город Туров. Вместе с польской принцессой отправился туда и ее духовник – Рейнберн, епископ Колобжегский. И вот однажды князю Владимиру донесли, что епископ Рейнберн – агент папы римского и готовит заговор, в котором принимают участие Святополк и его жена. Владимир тут же приказал доставить всех троих в Киев и заключить в темницу, где Рейнберн вскоре скончался. Святополку же удалось убедить отца, что ни он, ни его жена ничего не знали о коварных замыслах епископа. Владимир освободил сына, но, больше не доверяя ему, не отпустил в Туров, а поселил близ Киева, в Вышгороде, где еще со времен княгини Ольги находился загородный княжий дворец.

А вскоре Владимир рассорился с еще одним из своих сыновей – Ярославом, любимым братом Предславы.

Ярослав получил от отца в удел Новгородскую землю – обширную, богатую и беспокойную – и правил там твердой рукой. К тому времени он женился на дочери норвежского ярла Анне, у него родился сын Илья, но, к великому горю родителей, вскоре умер. Предслава давно уже не видела младшего брата, но по-прежнему тревожилась за него, а когда Ярослав имел неосторожность разгневать отца, по-настоящему испугалась.

Ссора произошла из-за дани, которую Ярослав ежегодно собирал с новгородцев. По договору две ее трети он отправлял в Киев, себе же оставлял лишь одну треть. Но вдруг Ярослав объявил, что одной трети мало для содержания княжьего двора и дружины, и оставил всю дань себе. Князь Владимир впал в великий гнев и собрался идти войной на Новгород, чтобы примерно наказать непокорного сына.

Все уже было готово к выступлению, но тут князя Владимира сразила неожиданная болезнь. Был он уже стар и, заболев, понял, что пришло время решать, кому хочет он завещать киевский княжий стол. Самый старший из его сыновей – первенец Рогнеды Изяслав – к тому времени скончался, и законным наследником должен был стать Святополк, но сердце старого князя не лежало к нему. Равнодушен он был и к прочим своим сыновьям и любил только двух самых младших – Бориса и Глеба, рожденных женой-болгарыней.

Лежа в постели под шелковым одеялом, старый князь мучился сомнениями: не ввергнет ли он Русскую землю в страшную усобицу, если завещает престол младшему сыну в обход старших?

А тут еще пришла грозная весть, что на границе со Степью снова показались печенеги. И Владимир принял решение. Он призвал к себе Бориса и сказал ему:

– Ты – любимый из моих сыновей. Мне уже не подняться с одра болезни. Бери мое войско и иди на печенегов. Может быть, я еще успею услышать о твоей победе. А когда вернешься – прими киевский стол.

Затем Владимир повелел объявить по всему городу, что завещает великое княжение Борису.

Киевляне заволновались. Ведь законным наследником был Святополк, а нарушение закона всегда порождало смуты и несчастья, но Борис пользовался всеобщей любовью. Автор древнерусского сказания писал о нем: «Был князь Борис красив и высок, лицом кругл, в плечах широк, в поясе тонок, глазами добр и весел, на ратях храбр, в советах мудр, и благодать Божия цвела в нем».

Меж тем князю Владимиру становилось все хуже, и наконец теплым июньским вечером его душа покинула тело.

Едва Святополк узнал о кончине отца, как поспешил из Вышгорода в Киев. Гроб с телом Владимира еще стоял в Десятинной церкви, и горожане оплакивали покойного князя, а Святополк уже сел на отцовский престол и, желая привлечь на свою сторону киевлян, начал раздавать богатые подарки – цветные одежды, дорогие сосуды, заморские вина. Однако горожане не спешили признавать Святополка князем. Повсюду шептались, а иногда и громко говорили:

– Вот вернется из похода Борис, тогда посмотрим, кому сидеть на киевском столе.

Но дни шли за днями, а Борис все не возвращался, и не было никаких вестей ни о нем, ни о его войске.

Однажды ночью Предслава проснулась оттого, что нянька трясла ее за плечо:

– Проснись, княжна!

– Что случилось, няня? – спросила Предслава, протирая глаза.

– Прискакал человек на коне, хочет тебя видеть.

– Что за человек?

– Не знаю, но видно, что проделал он долгий путь и говорит, что дело его не терпит отлагательства.

Предслава наспех оделась и вышла в горницу. Там ее ждал юноша, едва державшийся на ногах от усталости, одежда его была изорвана и окровавлена. Лицо юноши показалось Предславе знакомым. Приглядевшись повнимательнее, она воскликнула:

– Ты – Моисей, брат Григория Угриня, любимого слуги моего сводного брата Бориса.

– Верно, княжна, – ответил юноша. – Прости, но я принес дурные вести.

Предслава приказала ему сесть, и Моисей поведал страшную историю.

...Известие о печенеггах оказалось ложным. Убедившись, что на границе все спокойно, Борис двинулся в обратный путь. Когда подходил он со своим войском к реке Альте, из Киева прискакал гонец с вестью о том, что князь Владимир умер и Святополк объявил себя его наследником – великим князем Киевским. Борис, глубоко опечаленный смертью отца, стал его горько оплакивать, а о вокняжении Святополка сказал лишь одно:

– Знать, на то воля Божья, и надобно ей покориться!

Дружина возмутилась.

– Князь! – кричали воины. – Твой отец завещал престол тебе, об этом всем известно. Идем на Киев, прогоним оттуда Святополка, и ты станешь княжить, а мы тебе служить, как служили отцу твоему!

Но Борис ответил:

– Нет, друзья! Никогда не подниму я оружие на единокровного брата. Он старший, и всем нам надлежит почитать его, как отца.

Долго уговаривала дружина князя, но он стоял на своем. Тогда раздосадованные воины объявили, что не желают больше с ним оставаться. Они простились с Борисом и ушли искать себе других предводителей, предоставив молодого князя его судьбе.

Борис остался один, не покинули его лишь несколько верных слуг.

В ту же ночь князю Борису привиделся сон, будто окружили его черные псы и стали рвать острыми зубами. Проснувшись, поведал он свой сон любимому слуге Георгию Угрину и сказал:

– Не иначе приснилась мне моя смерть.

Сон, на беду, и впрямь оказался вещим. Святополк, которому и в голову не могло прийти, что Борис готов без борьбы уступить ему отцовский престол, решил избавиться от него как от главного своего соперника и подослал к нему убийц.

Ночью нанятые Святополком злодеи подкрались к шатру Бориса. Молодой князь еще не спал и усердно молился Богу. Убийцы ждали, не решаясь прервать молитву. Но вот князь, окончив молиться, лег, тогда убийцы ворвались в шатер и пронзили его мечами. Георгий Угрин попытался заслонить своего господина собой и пал мертвым с ним рядом. Злодеи перебили остальных слуг Бориса, чтобы не могли они рассказать о свершенном ими преступлении, завернули бездыханное тело князя в шатерное полотно, уложили на воз и повезли в Вышгород, чтобы тайно там похоронить.

Моисей Угрин, тяжело раненный, потерял сознание, и его сочли убитым. Но он был жив и, очнувшись через какое-то время, поспешил в Киев к Предславе, чтобы известить ее о происшедшем.

– Что же теперь делать, княжна? – спросил Моисей Угрин, закончив рассказ.

Предслава зарыдала. Ей было жаль молодого и кроткого Бориса, но еще сильнее, нежели горе, охватил ее гнев на злодея Святополка и страх за остальных братьев, прежде всего за ее любимого Ярослава.

– Надо немедленно его предупредить! – воскликнула она и, утерев слезы, бросилась к поставцу, где хранились листы пергамента, перья и чернильница.

Не прошло и четверти часа, как гонец Предславы был на пути в Новгород.

Ярослав получил Предславино письмо ранним утром. Оно было кратким, написанным второпях: «Отец наш умер, Святополк сел в Киеве и Бориса убил. Опасайся его повелику».

Ярослав не хуже Предславы знал нрав Святополка, но, в отличие от сестры, понимал, что самая большая опасность грозит сейчас не ему, а Глебу – родному брату Бориса. Борис и Глеб были очень дружны, так что именно от него должен был Святополк ожидать мести за убитого Бориса и, чтобы помешать ему отомстить, попытаться убить и самого Глеба. Глеб княжил в городе Муроме, и Ярослав тут же послал ему письмо с предостережением, а сам стал готовиться к войне с братом-злодеем. Однако письмо Ярослава опоздало: когда гонец привез его в Муром, Глеба там уже не было. Святополк вызвал его в Киев, якобы от имени князя Владимира, о смерти которого тот еще не знал, и по пути, на реке Смядыни, подослал к нему убийц, так же как и к Борису.

Когда о печальной участи Бориса и Глеба узнал еще один из сыновей князя Владимира – воинственный и отважный Святослав, княживший в Древлянской земле, он решил начать борьбу со Святополком. Он отправился в Венгрию, откуда была родом его жена, надеясь найти там помощь. Святополк послал за ним погоню, которая настигла его Карпатских горах. Там, на краю ущелья, произошло сражение, Святослав погиб, а его жена, венгерская принцесса, бросилась в пропасть.

Святополк торжествовал. Остальные братья, сидевшие по своим отдаленным уделам, казались ему не опасными. Он не знал, что Ярослав, предупрежденный Предславой, собрал войско из новгородцев и наемников-варягов и идет на Киев.

Узнал он об этом, когда Ярослав был уже совсем близко. Святополк поспешно вооружил киевлян, но, не особо надеясь на их любовь к себе, заключил еще и союз с печенегами, которые обещали в случае опасности прийти к нему на помощь.

Встреча двух единокровных братьев произошла близ города Любеча. Воины Ярослава переправились через Днепр и оттолкнули свои ладьи, чтобы некуда было им отступать. Начался яростный бой. Был конец ноября, накануне ночью прошли заморозки, пожухлая трава покрылась изморозью. Ярослав притиснул войско Святополка к маленькому озерцу, уже начавшему замерзать. Воины Святополка, ступившие на тонкий лед, стали проваливаться в холодную

воду, остальные попятились, смешались и обратились в бегство. Печенеги, увидев это, предпочли не вступать в сражение, и победа осталась за Ярославом. Святополк прямо с поля боя бежал в Польшу, надеясь найти приют и поддержку у короля Болеслава.

Ярослав не стал преследовать беглецов и победителем вошел в Киев.

То-то была радость для Предславы!

Заняв великокняжий престол, Ярослав не велел наказывать выступивших против него киевлян, поскольку действовали они по принуждению Святополка, но его жену, робкую Болеславну, заключил под стражу и отправил в ссылку в Новгородскую землю.

А из Новгорода выписал свою жену Анну. Предслава охотно покинула село, где прожила много лет, и поселилась вместе с братом и невесткой в Киеве. Она не могла наглядеться на своего любимого Ярослава, подружилась с его женой и была совершенно счастлива. Но над ее головой уже собирались черные тучи.

Колты. Золото, эмаль. XII в.

Король Болеслав, к которому бежал Святополк, принял его с должными почестями и предоставил для борьбы с Ярославом войско, в которое кроме поляков входили немцы, венгры и печенеги, союзные польской короне. А когда Болеслав узнал, что его дочь находится в заточении, то решил сам возглавить поход на Киев.

Ярослав не стал дожидаться противника в Киеве, а выступил ему навстречу. Но на сей раз удача отвернулась от Ярослава: на берегу Западного Буга произошло сражение, в котором он потерял почти все свое войско. С четырьмя оставшимися в живых дружинниками бежал Ярослав в Новгород, оставив Киев на милость победителей.

Женщины из княжьей семьи: княжна Предслава, ее сводные сестры, молодая мачеха Марья Борисовна – последняя жена князя Владимира со своей трехлетней дочкой Марией-Добронегой, Анна – жена Ярослава – собрались у окна и со страхом смотрели, как победители вступают через городские ворота в стольный град. Впереди, горделиво восседая на могучем коне, одетый в сверкающие доспехи, ехал король Болеслав, рядом с ним – исполненный злобой радости Святополк, а дальше бесконечной чередой тянулись иноземные полки под развевающимися знаменами.

– Что же теперь с нами будет? – в ужасе прошептала Анна.

* * *

Святополк снова сел на великокняжий престол, но настоящим хозяином в городе стал не он, а король Болеслав. Везде слышалась громкая иноземная речь, польские и немецкие воины разгуливали по Киеву, однако до поры до времени особо не бесчинствовали.

Киевляне настороженно выжидали, чем обернется для них союз Святополка с польским королем, и лишь священник Десятинной церкви грек Анастас Корсунянин безоговорочно признал власть Болеслава и попросился к нему на службу. Болеслав, не знавший, что Анастас однажды уже совершил предательство, сдал врагам свой родной город Корсунь и перейдя на

сторону победителей, поверил его льстивым речам и сделал его своим доверенным лицом. Он поручил Анастасу начать переговоры с Ярославом об освобождении своей дочери. Анастас отправился в Новгород, но Ярослав не пожелал вернуть отцу несчастную Болеславу и даже отказался сообщить, где именно она содержится. Корсунский поп вернулся ни с чем.

Однако Болеслав не торопился отправляться восвояси, и удерживала его в Киеве вспыхнувшая с новой силой страсть к Предславе.

Княжна перебралась обратно в свое село Предславино, чтобы пореже встречаться со Святополком, внушавшим ей ужас и отвращение, и с Болеславом, нескрываемая страсть которого смущала и пугала ее.

Однажды Предслава сидела в своей светлице за пядьцами, а ее старая нянька за прялкой. Вдруг они услышали стук копыт. Предслава глянула в оконце и увидела, как посреди двора, поддерживаемый двумя гайдуками, сходит с коня король Болеслав.

– Няня, – испуганно сказала княжна, – к нам гость пожаловал. Поди узнай, что ему нужно. Но Болеслав уже переступил порог светлицы.

– Здравствуй, ясновельможная княжна! – сказал он вкрадчиво и, сняв бархатную шапку, низко поклонился.

– Здравствуй, государь, – учтиво ответила Предслава. – Ты оказал мне большую честь, посетив мое скромное жилище.

– Не говори так, княжна, – с жаром воскликнул король Болеслав, – это для меня честь и счастье видеть твои ясные очи!

Предслава потупилась, не зная, что сказать, а Болеслав продолжал:

– А помнишь ли, как три года назад засылал я к тебе сватов и ты уязвила меня в самое сердце, отказавшись взять себе в мужья? Крепко тогда я на тебя рассердился, и все три года каждый день говорил себе: забудь жестокую! Но разве это в силах человеческих? Всякий, кто увидел тебя хотя бы единый раз, не забудет до конца дней своих, даже если проживет он сто лет или двести! Княжна, золотая моя, я люблю тебя больше своей души! Будь моею женой, и я заставлю солнце светить для тебя одной, луну и звезды небесные брошу к твоим ногам!

Болеслав грузно рухнул на колени и, схватив руку Предславы, стал осыпать ее жаркими поцелуями.

Предслава в ужасе отдернула руку:

– Встань, встань, государь! Негоже тебе стоять передо мной на коленях. Я не могу и не хочу быть твоею женой.

Лицо короля потемнело, а в глазах сверкнула ярость. С усилием поднявшись на ноги, он с угрозой сказал:

– Берегись, княжна! Я предложил тебе честный брак, но, если он тебе неугоден, могу поступить с тобой, как поступают с военной добычей. Хорошенько подумай, прежде чем отказать мне, когда я еще раз приду просить твоей руки!

Болеслав развернулся и вышел, громко хлопнув дверью.

Предслава почти без чувств упала на лавку.

– Что же мне делать, няня? – спросила она с тоской.

– Не знаю, дитятко, – ответила нянька. – Наверное, покориться. Суженого конем не объедешь. Недаром ведь когда-то я говорила, что быть тебе королевой – вот и накаркала!

И нянька заплакала.

* * *

Несколько дней спустя Предслава стояла рядом с Болеславом перед аналоем в Десятинной церкви. Венчал их поп Анастас, который всячески заискивал перед польским королем и выражал бурную радость по случаю его бракосочетания с русской княжной.

Поведение попа навело Болеслава, который до сих пор шел лишь на поводу у своей страсти, на мысль, что этот брак может принести ему и определенную политическую выгоду. Ведь став мужем старшей дочери князя Владимира, он получал право претендовать на киевский престол. И Болеслав отчетливо представил себе, как он сместит с престола Святополка, подарив ему в возмещение ущерба какой-нибудь польский город, и присоединит бескрайнюю Русскую землю к Польскому королевству, так же как присоединил когда-то Чехию и Моравию.

Однако этим мечтам Болеслава не было суждено осуществиться. Святополк разгадал его намерения и, хотя внешне польский король и великий князь Киевский по-прежнему оставались друзьями и союзниками, стал подстрекать киевлян против поляков, тем более что польские воины, соскучившись в бездействии, начали чинить всяческие обиды местному населению. Киевляне подняли восстание, на городских улицах начались стычки, и Болеслав счел за благо, забрав Предславу, которая была теперь его законной женой, вернуться в Польшу.

Однако поскольку вступил он в Киев как завоеватель, то перед тем, как отправиться на родину, потребовал у Святополка своей доли добычи: половину казны Ярослава и несколько сотен пленников – как знатных, так и простых. И Святополку пришлось согласиться.

Король Болеслав покидал Киев с большим обозом: на возах везли казну – сундуки с золотом и серебром, увязанные в рогожи драгоценные сосуды, меха и шелковые ткани; в тяжелых дорожных колымагах ехали знатные пленники, простые шли пешком. Самыми знатными среди пленниц были сводные сестры Предславы, ее мачеха с маленькой дочерью и жена князя Ярослава.

Предслава, глядя сквозь слезы на удаляющийся Киев, его стены и башни, блестящие купола Десятинной церкви, днепровскую пристань с кораблями, чувствовала себя не королевой, направляющейся в свое королевство, а такой же пленницей, увозимой на чужбину.

Во время одной из остановок она с удивлением заметила возле воза с казной попа Анастаса.

– Отец Анастас, – спросила она, подозвав его к себе, – ты-то как здесь оказался? Неужели супруг мой настолько нечестив, что посмел захватить в плен священнослужителя?

– Нет, госпожа, – ответил Анастас, смутившись. – Я сам попросился на службу к твоему супругу, и он был настолько милостив, что назначил меня хранителем казны, положив мне хорошее жалованье.

Путешествие подходило к концу. Уже осталась позади польская граница, того и гляди должно было показаться Гнезно – столица Польского королевства. И тут Предслава начала замечать, как изменилось поведение Болеслава. Он стал мрачен и молчалив, казался то смущенным, то сердитым, явно старался ее избегать, а разговаривая с ней, отводил глаза. И наконец, собравшись с духом, решительно сказал:

– Прости меня, единственная любовь моей жизни. Я должен поведать тебе правду, тем более что ты все равно скоро ее узнаешь: я женат.

– Как?! – воскликнула Предслава, не веря своим ушам. – Ведь отец Анастас обвенчал нас в Божьем храме!

– Отец Анастас, не в укор ему будь сказано, человек корыстный. Я дал ему денег – и он совершил обряд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.